

Роксана Геден

16+

День святой Вероники

Сюзанна-7

Роксана Гедеон
День святой Вероники

«ЛитРес: Самиздат»

1993

Роксана Гедеон

День святой Вероники / Роксана Гедеон — «ЛитРес: Самиздат»,
1993

ISBN 978-5-532-04470-8

Этот том – один из самых драматичных в сериале. 1794 год. Страшные дни революционного террора во Франции соединяются в жизни героини с отчаянной нищетой. Сердце Сюзанны в который раз разбито – возлюбленный предал ее, когда она ждала ребенка. Робеспьер свергнут, тюрьмы открыты, но героиня, покинув застенки и чудом избежав казни, едва находит в себе силы жить. Париж кажется ей враждебным городом, ее зовет родная Бретань. Оправдаются ли надежды, которые Сюзанна возлагает на любимую провинцию и отчий дом? Седьмая книга исторического сериала "Сюзанна".

ISBN 978-5-532-04470-8

© Роксана Гедеон, 1993
© ЛитРес: Самиздат, 1993

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	5
1	5
2	10
3	13
4	18
5	24
6	25
ГЛАВА ВТОРАЯ	28
1	28
2	32
3	37
4	42
Конец ознакомительного фрагмента.	46

ГЛАВА ПЕРВАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ БРИТВА В ДЕЙСТВИИ

1

Я обулась, наспех набросила на плечи старый плащ Стефании и уже открыла дверь, чтобы выйти. Флери, моя племянница, выглянула из кухни.

– Вы снова уходите, тетя?

– Да.

– И не возьмете с собой Ренцо? Он мне все время мешает.

– Я не могу его взять. Это не то место, где надо бывать детям.

Флери, поджав губы, исчезла. Я поспешно поцеловала Ренцо, самого маленького в этой семье, и вышла на улицу.

Полтора месяца я жила в доме своего брата – с тех пор как арестовали Розарио. Полтора месяца эти превратились в сплошной кошмар. То, что со мной случилось, отлучило меня от сдержанности и терпимости, и между мной и Стефанией всё время происходили стычки. Джакомо смягчал эти ссоры, но его почти никогда не было дома. Он брался за любую работу, научился даже, несмотря на свою слепоту, писать письма набожным женщинам, дежурившим у церквей. Но это приносило мало денег, чаще они платили ему крынкой молока или фунтом хлеба, и Стефания тоже была вынуждена искать заработок. Она мыла полы в чужих домах, стирала и гладила тюки чужого белья, таскала вязанки дров. Все это давало тридцать или сорок су в день. Жили они крайне бедно, часто сидели голодные. Мне мои кружева приносили чуть больше денег. Я платила им два су в день за квартиру, но мне надо было содержать Аврору и посылать деньги в Сен-Мор-де-Фоссе, где жили Маргарита с мальчиками. Я почти не спала. Утром я шла в Трибунал, холодея при мысли, что там заслушивается дело Розарио, а после обеда до самой полуночи вязала кружева. Я стала бледной, худой, как отощавшая кошка, и глаза у меня казались голодными и затравленными. По крайней мере, именно это я видела, мельком заглядывая утром в зеркало.

Я перешла по Малому мосту на левый берег Сены и быстро пошла, почти побежала по улице между церквями Сен-Северен и Сен-Жюльен-ле-Повр. Они уже давно были превращены в склады.

Было 22 декабря 1793 года, преддверие Рождества. Сейчас, впрочем, мало кто об этом заикался. Католическая традиция была еще очень сильна, и вполне вероятно, что Рождество будут праздновать многие, но втайне. Никто не хочет прослыть фанатиком или контрреволюционером, а вот я любила Рождество и ничуть не считала его фанатичным, а скорее светлым и радостным праздником.

Я вспомнила, какой радостью дышал Париж в канун Рождества раньше, при Старом порядке. Поражало обилие музыкантов на улицах. Мальчики и девочки посылали друг другу куплеты рождественских песен, пели их на улицах. Влюбленные юноши сочиняли серенады для своих девушек. Хозяйки пекли к сочельнику необыкновенно вкусные пироги, которые потом продавались на шуточных аукционах. Многочисленные торговцы торговали сантонами – фигурками из дерева, фарфора или глины, представляющими различные сцены о легенде рождения Христа, свечами, елочными украшениями, мешочками с зернами рождественской пшеницы – пшеницы святой Барбы. Зерна следовало еще 4 декабря залить водой в блюдах и потом по росткам судить об урожае. Все шутили, смеялись, улыбались, пели песни и танце-

вали... Теперь на это наложили запрет. Робеспьер не любит развлекаться, стало быть, любое развлечение – преступление. Об этом не говорили, но так думали.

Теперь была совсем другая ситуация. У Коллежа де Франс (давно закрытого, ибо Революция упразднила университеты) я увидела бедно одетую старуху лет семидесяти, толкавшую перед собой тележку с товаром, ранее считавшимся обычным, – ладанками, иконками, крестиками, заключенными в ларчики мощами. Вероятно, эта торговля приносила ей мало дохода. Старуха была остановлена патрулем во главе с большим, важным, исполненным сознания собственным величием комиссаром.

Ее принялись допрашивать, пытаясь узнать, кто подстрекал ее к такому занятию.

– Сынок, вот уже сорок лет, как я торгую этим товаром, – твердила она в ответ на все вопросы, задаваемые ей комиссаром.

Ничего от нее не добившись, он велел отвести ее в тюрьму.

Я поспешила уйти, чтобы никто не заметил презрения у меня на лице.

От отеля Клюни до тюрьмы было недалеко. Розарио сидел в Люксембурге, бывшем дворце графа Прованского. Теперь это было в моде – все прекрасные здания переоборудовать под тюрьмы. Дворцовый сад, где раньше гуляли счастливые мамы с детьми и влюбленные парочки, теперь превратился в место ожидания для убитых горем жен, матерей, сестер. Бывало, я просиживала там на скамейке по нескольку часов, ожидая, когда в слуховом окне покажется Розарио. Я даже брала с собой кружева, чтобы не терять времени даром.

Но сегодня мне не нужно было ждать. Я постучала молотком в обитую железом дверь. Показался гражданин Прюнель, тюремный привратник, который уже успел меня запомнить.

– Снова принесли передачу! – произнес он, глядя на меня с явным сочувствием. – Не знаю даже, где вы деньги берете, милая гражданка.

Вероятно, по моему виду можно было подумать, что я сама голодаю. Да и одежда у меня – как у нищей... Чего стоит только этот старый-старый потрепанный чепец, сшитый, наверное, еще в середине века.

– Умоляю вас, передайте гражданину Фромантену, – проговорила я, поспешно протягивая привратнику узелок. – Скажите, что я люблю его... что я сделаю все, чтобы спасти его.

Прюнель тяжело вздохнул, принимая узелок. Подобные слова он слышал сто раз в день. И прекрасно знал, что спасти кого-то из тюрьмы – вещь абсолютно невозможная...

Я сжала зубы, заклиная себя не думать об этом, не вспоминать о бесконечных вереницах телег, ежедневно везущих на гильотину осужденных. Я должна думать только о хорошем. Я должна верить. Если не я, то кто же поверит?!

– Что в этом узле?

– Бутылка вина, сушеный рис и грелка – ничего запретного...

Я незаметно вложила в руку Прюнеля три су – для уверенности, что добрый привратник не откажет мне и в будущем. Дверь захлопнулась. Я пошла прочь от Люксембургской тюрьмы, сама не зная, что буду делать. Розарио просил меня помочь Лауре, но в этом деле я была бессильна. Ее заключили в женскую тюрьму Маделонетт, где не было слуховых окон и где нельзя было обмениваться знаками.

Куда я шла? Я не отдавала себе в этом отчета. Каждый визит к Прюнелю повергал меня в отчаяние, от которого не так-то легко было оправиться. Я насилу сдерживала слезы. Чувствуя, что теряю мужество, я готова была грозить небу кулаками. Почему, черт возьми, я родилась в такое время? Почему не уехала в Вену? Почему, наконец, в нынешнее безумие впала именно Франция?!

Я остановилась, опираясь рукой о стену одного из домов и приказывая себе успокоиться. Я не могу привлекать к себе внимание, это слишком большая неосторожность. Мне ни за что нельзя попасть в тюрьму. Я хочу жить. И я должна жить, чтобы защищать Жанно. Он мой сын. Ради него я должна все это вытерпеть и не сорваться...

Мальчишка сунул мне в руки какие-то газеты. Я машинально отдала ему несколько денег и пошла дальше, читая на ходу. Первой газетой оказался «Вье корделье». Сквозь слезы я видела эти ровные строчки – они словно воссоздавали ту атмосферу, в которой жила я в последние месяцы:

«...Все возбуждало подозрительность тирана... Если гражданин был популярен – он являлся соперником государя и мог бы вызвать междоусобную войну. Стало быть, он подозрителен. Если он, напротив, избегал популярности, – его уединенная жизнь обращала на себя внимание, вызывала к нему уважение – он подозрителен. Был ли гражданин богат – возникала опасность, как бы он не совратил народ своими щедротами; он подозрителен... был ли гражданин беден – нет никого предприимчивее неимущего! Подозрительный...»

Это были отрывки из «Анналов» Тацита, я узнала их. Но как подходили он к тому страшному «Закону о подозрительных», благодаря которому за решетку были брошены сотни тысяч людей! Я лихорадочно перевернула газету, там было имя автора статьи – Камилл Демулен.

И дальше:

«Откройте тюрьмы для тех 200 тысяч граждан, которых вы зовете подозрительными, так как закон не знает подозрительных, а лишь преступников»...

«Вы хотите уничтожить всех врагов при помощи гильотины? Но было ли когда-нибудь большее безумие? Можете ли вы возвести на эшафот хоть одного человека без того, чтобы вашими врагами не стало десять человек его родственников и друзей?»

Не сошла ли я с ума, если я вижу такое? Камилл Демулен – друг Дантона. Но кто позволил ему выпустить в нынешнее время подобную крамолу? Он призывает к милосердию... И это среди всеобщего сумасшедшего вопля: «Крови, крови, крови!»?

С какой язвительностью иронизировал он над чудовищными революционными законами, как умело поддел самого Робеспьера с его навязчивой идеей «добродетельного террора»... Неужели это значит, что в Революции подул иной ветер? Что, наконец, безумие закончится и настанут спокойные времена? Что прекратятся бессмысленные преследования?

Я тут же остановила себя, призывая не воображать слишком многого, чтобы потом не разочаровываться. Но уже на набережной у Бурбонского дворца я столкнулась с большой толпой женщин. Все, как одна, в трехцветных кокардах, они шли, весело распевая «Марсельезу» и размахивая какими-то бумагами.

– Куда это они? – спросила я у зевак.

– Возвращаются из Конвента, – охотно объяснили мне. – Они требовали освобождения своих мужей... В ответ Конвент учредил Комитет справедливости! Уж он-то займется пересмотром приказов об аресте...

– Нашли что делать – щадить роялистов! – вмешалась стройная, с виду хорошенькая, но бедная женщина. – Зачем нужны все эти аристократы? Они морят нас голодом! Этих злодеев надо не щадить, а живо отправлять на гильотину!

Мне ужасно хотелось плюнуть ей в лицо. Или ударить. Или оскорбить. Ведь Розарио – не аристократ, и он вовсе не причастен к тому, что с продуктами нынче туго! А я, хотя и аристократка, отнюдь не занималась организацией голода. У власти уже второй год стоит Конвент, а эти глупые люди все еще обвиняют в своих бедах аристократов и короля.

Я отошла от греха подальше, чтобы сдержаться. Честно говоря, я не сразу поверила в появление Комитета справедливости и пересмотр приказов об аресте. Но новость мгновенно разнеслась по всему Парижу. Я слышала, как обсуждали ее люди, как многие облегченно вздыхали, узнав об этом... Потом появились первые печатные листки. И тогда я поняла – это правда. Впервые в кровавом террористическом тупике появился хоть намек на какой-то выход, прекращение этого зловещего сумасшествия...

От внезапно нахлынувшей надежды мне едва ли не стало дурно. Кажется, подули иные ветры. Дантон и его приверженцы иступили в борьбу против террора. Я, конечно, знала, что

именно Дантон учредил Трибунал, но теперь он боролся против него и требовал открытия тюрем. О, Дантон – это трибун, это глыба; он единственный, чья воля еще может поколебать волю этого злобного выкорыща Революции Робеспьера. Я была знакома с Дантоном; я знала, что, несмотря на свои речи и взгляды, и остается человеком, что у него есть и сердце, и душа, чем не могут похвалиться другие революционеры. Только бы он победил! Я была готова молиться за это.

Мне нужно было что-то предпринять. Нельзя упустить такой момент, нужно начинать действовать. Вполне возможно, что наступит передышка и двери тюрем распахнутся, и уж тогда-то Розарио одним из первых должен оказаться на свободе...

Я зашла в ближайшее почтовое отделение и потребовала перья, чернила и бумагу. Потом за два су купила конверт. Марки мне не нужны были, я сама отнесу письмо адресату... Я собиралась адресовать свое послание зловещему Фукье-Тенвиллю, прокурору Революционного трибунала. В его компетенции было направлять или не направлять дело в суд.

Раньше я боялась писать, да и понимала, что вряд ли поможет. Но сейчас положение изменилось! Сам Демулен призывает к милосердию, сам Конвент постановил создать Комитет справедливости! Почему бы Фукье-Тенвиллю не отправить дело Розарио в этот Комитет?

Дрожащими пальцами – Боже, как давно я не писала! – я торопливо выводила на бумаге:

«Гражданину государственному обвинителю.

Гражданин!

Мать семейства обращается к Вам, она взывает к Вашему милосердию, Вашей гуманности.

Жена Этьена Фромантена, оружейника из Алансона, сидящего в течение 2 месяцев в тюрьме Люксембург, умоляет о Вашем сострадании, дабы Вам было угодно ознакомиться с делом, из-за которого он попал на Ваш суд.

Гражданин Фромантен виновен лишь в том, что не имел свидетельства о благонадежности, но причина этого заключается только в простом недоразумении. В Париже он жил лишь двадцать дней и, разумеется, за столь короткий срок не успел убедить Коммуну в своей полной благонадежности.

Гражданин Фромантен имеет только свое занятие для собственного пропитания и для поддержания существования своей жены и ребенка, у которых нет больше хлеба. Он сам лишился всего и подавлен отчаянием.

Фромантен никогда не был дурным гражданином. Его жизнь всегда была безупречна и ни у кого не вызывала подозрений. Если же он и сделал какую-либо ошибку, то уже достаточно сильным наказанием для него являются два месяца тюрьмы. Благоволите, гражданин, вернуть его к работе; это значит дать ему жизнь и подарить Республике полезного работника».

Я писала так, как должна писать «истинная патриотка и республиканка». Поставив точку в прошении, я запечатала письмо.

– Где живет Фукье-Тенвиль, вы не знаете? – спросила я.

Почтмейстер окинул меня хмурым взглядом.

– На площади Революции, гражданка.

Там, где стоит гильотина! Это известие заставило меня вздрогнуть. Какой скверный знак... Я всегда старалась обходить эту площадь десятой дорогой; я боялась и двуногой химеры, пожравшей столько жизней, и чудовищной статуи Свободы, равнодушно взирающей на то, что совершается ее именем. Но судьба брата слишком дорога мне, чтобы я обращала внимание на собственные суеверия. Я выскочила из почты и буквально бегом отправилась на площадь Революции.

По пути мне встречались различные группы женщин, кричавших: «Пусть царство террора уступит место царству любви!» – и подобные возгласы придавали мне сил. Поистине,

наметился перелом. Раньше об этом нельзя было и рта раскрыть. А нынче о милосердии кричит множество людей...

Дверь мне открыла хмурая женщина – очевидно, служанка.

– Гражданина прокурора нет дома, и принимает он только во Дворце правосудия, – сказала она резко.

– Но у меня к нему письмо. Можно его передать?

Служанка как-то криво улыбнулась и указала пальцем в сторону:

– Видите тот ящик? Это как раз для прошений. Бросайте туда вашу бумажку. Вечером гражданин прокурор вернется и все сразу прочтет.

Даже ее поведение не смогло уменьшить моей надежды. Я бросила письмо в ящик и впервые за много дней была уверена, что оно не останется без внимания.

2

Гильотина, стоявшая на площади Революции, сегодняшней порции не получала, но под эшафотом псы лизали кровь, щедро оросившую землю вчера. Вокруг помоста стоял конвой конных жандармов. Музыкант заунывно выводил «Марсельезу» на шарманке, а старый бродячий актер демонстрировал детям и взрослым говорящего попугая, сидящего на разноцветном обруче, и смешных кукольных плясунов – разных Пьеро, Арлекинов и Скарамушей. Торговка звонким голосом приглашала граждан и гражданок отведать горячих нантерских пирожков по восемь су за штуку.

Это было дорого. Но я так устала, бегая по Парижу, и так проголодалась...

– Нантерские пирожки! Кому нантерских пирожков?

Я еще раз покосилась на эшафот – кто знает, может быть, мне суждено взойти туда... Так с какой стати мне жалеть восьми су?

– Один, – коротко бросила я, протягивая деньги.

Торговка, принимая монеты, подняла голову. Темная косынка, покрывавшая ее голову, не скрывала волнистых прядей черных густых волос, так отличающихся от мягкого светлого тона кожи лица. Полуоткрытый ворот накидки многих заставил бы полюбоваться безупречной линией гибкой шеи. Из-под упавших на лицо темных кудрей на меня сверкнули огромные жгучие черные глаза с прекраснейшими длинными ресницами...

Это были глаза маркизы де Шатенуа.

Мы обе застыли – она с деньгами, я с пирожком в руке.

– Изабелла? – прошептала я так тихо, что никто, кроме нас, не смог бы услышать.

Как ни в чем не бывало, она громко повторила:

– Нантерские пирожки! Кому нантерских пирожков?!

А потом быстро захлопнула лоток и покатила тележку прочь с площади, глазами дав мне знак следовать за ней.

Лишь в начале улицы Риволи мы решились остановиться. Я снова взглянула на Изабеллу.

– Неужели это вы?

Она похудела, осунулась, побледнела, кожа на руках стала более темной, а в этой грубой скверной одежде она ничем не напоминала ту изящную грациозную маркизу, что была украшением Версаля, хотя я видела, что фигуру она сохранила такой же безупречной, как и прежде. И все-таки я с трудом узнавала ее. То же самое она могла сказать и обо мне. На кого была похожа я в своем старом плаще и страшном чепце с чужой головы, с бледным лицом и затравленными испуганными глазами?

– Нам обеим нечего стыдиться, – вдруг весело произнесла она. – И все-таки нам стыдно, правда?

В этом тоне я узнала Изабеллу. И мне тоже стало радостно.

– Боже правый, мне так хорошо, что я вас встретила...

Наши пальцы сами собой сплелись в пожатии. Отбросив всякую осторожность, мы порывисто обнялись и поцеловались – так, как бывало, делали, встречаясь в зеркальной галерее Версаля.

– Так вы... торгуете пирожками? – проговорила я, запинаясь.

– А вы?

– А я вяжу кружева.

– И сколько это дает?

– Шестьдесят су в день.

– Вот как! Я имею на восемь су больше.

Разговор прервался. Мы молча глядели друг на друга. Почему-то только теперь мне наглядно стало ясно, что случилось с аристократией. Действительно, Париж был полон графинь, маркиз, баронесс, торгующих зеленью и пирожками, мастеров наряды для буржуазок, разносящих хлеб по квартирам. Но разве это бесчестило нас хоть чуть-чуть? Мы умели и в нищете оставаться аристократками. Аристократия – это каста, которую бедность не может унижить. Мы все равно особенные. Мы на голову выше того сброда, что творит Революцию и ныне является хозяином. Даже обезглавленные, мы все равно выше. Так говорил отец. И я знала, что это правда.

– Почему вы не уехали? – прошептала я.

– Это амурная история, будь она проклята.

– А ваш... ваш муж?

– Жером? Я не видела его четыре года. Он давно в эмиграции, вы же знаете. Нет, я пока не вдова, уж в этом-то я уверена. Жерому семьдесят, но он наверняка доживет до ста.

Она взяла меня за руку.

– Пойдемте ко мне. Нам надо поговорить. Работа на сегодня отменяется.

– Где вы живете?

– На Королевской улице, у церкви Ла Мадлен. Эта встреча с вами так меня взволновала, что я бросилась бежать в другую сторону.

Мы вместе толкнули тележку. Изабелла достала из своего лотка три пирожка и щедро протянула их мне.

– Ешьте! Я же вижу, Сюзанна, что вы голодны.

– Вы сами их печете?

Она рассмеялась.

– Да что вы! Для этого нужно иметь свою пекарню, да еще столько хлопот с мукой, дрожжами... Я работаю у некоей гражданки Мутон: помогаю печь, а потом продаю... Она платит мне жалованье. У нее я и живу.

– И вам ничего не будет за то, что вы не все продали?

– Такое случилось впервые. Ради вас, моя дорогая, я готова пожертвовать сегодняшним заработком.

Она рассмеялась. Голос Изабеллы звучал так же мелодично и звонко, как и раньше, в иные времена. Нет, нрав ее несколько не изменился. Наверняка, несмотря на бедность, она окружена целым сонмом любовников. А что – изящная прелестная молодая женщина, черноглазая брюнетка, которой еще нет тридцати...

Мы поднялись в ее комнату. Изабелла жила даже не на самом верхнем этаже, а в крошечной мансарде на чердаке, куда надо было взбираться по лестнице. Потолок явно протекал и был перегороден деревянными перекладинами. Здесь можно было только лежать или сидеть; встать в полный рост не было никакой возможности.

– Настоящий сундук, правда? Ящик, а не жилище. Но, моя дорогая, я уже привыкла.

Она заварила чай, и мы пили его с нантерскими пирожками. Я впервые за много дней присутствовала на таком пиршестве и сожалела, что со мной нет Авроры. За чаем мы беспрерывно болтали, наперебой расспрашивали друг друга о том, что с нами произошло. Изабелла рассказала мне, что уезжала в Англию и даже поселилась в Лондоне на Пикадилли-сквер. Но один французский аристократ, с которым она состояла в любовной связи, уговорил ее съездить с ним во Францию. Он ехал на родину с каким-то заданием английской разведки и имел фиктивные документы. В первые же дни пребывания в Париже его узнал какой-то мясник, которому тот раньше, при Старом порядке, дал хорошего пинка за жульничество. Любовника Изабеллы отвели в тюрьму и два месяца назад казнили. Возвратиться она не могла, и деньги у нее отсутствовали. Впрочем, как и свидетельство о благонадежности.

– Вы живете без свидетельства до сих пор? – спросила я.

– Да Сюзанна. Я уверена, что и вы тоже.

– Это верно.

– Эти мерзавцы, кажется, хотят устроить нам еще один сюрприз. Я слышала, введут хлебные карточки, и право на них будет иметь только тот, у кого есть свидетельство. Половина Парижа будет голодать.

– Вам при вашей профессии это не грозит, Изабелла... Мы обе вздохнули. Мне было приятно найти человека, с которым можно говорить совершенно откровенно, женщину, которая думает так же, как я, и которую можно не называть гражданкой. Я внимательно оглядела ее крохотную комнатку. Большую часть площади занимала железная кровать, еще одна кровать, раскладная, была прислонена к стенке. Здесь была печка, слуховое окно под самым потолком, большая тумбочка и этажерка, а также несколько железных жардиньерок. Еще стол, уставленный посудой, и кресло. Словом, в комнатке негде было повернуться. И поэтому, когда Изабелла внезапно спросила, не захочу ли я жить вместе с ней, я была очень удивлена.

– Мы очень стесним вас, Изабелла.

– Кто это – «мы»?

– Я и Аврора.

– Тесноту можно вытерпеть. Вы же сказали, что живете у родственников. Жены старших братьев всегда необыкновенно сварливы.

Она сжала мою руку.

– Вы мне очень поможете. Я плачу за эту каморку десять су в день, это крайне накладно. Если бы вы переехали, Сюзанна, мы бы поделили эту сумму надвое.

Поразмыслив, Изабелла добавила:

– Я устрою вас к гражданке Мутон. Торговать пирожками – это куда легче, чем вязать кружева. По крайней мере, зрение у вас подольше сохранится. Ну, послушайте меня, Сюзанна! Разве я давала вам когда-либо плохие советы?

Я невольно вспомнила о Валери де ла Вен, которую рекомендовала мне Изабелла. Я до сих пор не знала, сделала ли она это умышленно или по неведению. Но, в конце концов, лишь это обстоятельство слегка омрачало мое отношение к Изабелле. Его можно отбросить. И я согласилась.

– Вы правы, жить у брата мне ужасно надоело.

– Когда вы переедете?

– Да хоть сегодня.

Некоторое время она пристально смотрела на меня, внимательно и сочувственно изучала мое лицо.

– Что с вами, Сюзанна? Вы не беременны?

– А почему вы подумали об этом? – спросила я улыбаясь.

– Если нет, то вы очень устали. На вас лица нет. Вам нужно отдохнуть. А потом влюбиться в кого-нибудь. Взгляните на меня! Я бедна, но выгляжу, словно персик.

Она нежно поцеловала меня в лоб.

– Я помню вас необыкновенной красавицей, дорогая. Я даже завидовала вам. Но у меня больше оптимизма. Постарайтесь перенять его у меня. И вы снова расцветете.

– Я рада, что мы встретились, – прошептала я ей на ухо.

– Я тоже. Может быть, вместе нам удастся выжить.

Мы обнялись, облегченно вздыхая. И из-за плеча Изабеллы я впервые заметила висевшего над дверью картонного смешного Скарамуша – его стоило только дернуть за веревочку, чтобы он весело засмеялся.

3

К вечеру следующего дня мы с Авророй на тележке перевезли свой жалкий скарб на Королевскую улицу. Я попрощалась с Джакомо и обрадовала своим переездом Стефанию. Чтобы оставить о себе более приятные воспоминания, я отдала ей половину своих сбережений – тридцать су, и принесла малышу Ренцо – единственному из детей Стефании, кто относился ко мне с нежностью, – несколько сладких нантерских пирожков. Джакомо на словах сожалел о моем отъезде, но было видно, что он рад, что в семье больше не будет ссор и перепалок.

Я навестила своих мальчиков в Сен-Мор-де-Фоссе и тоже отнесла им пирожки. Жанно был здоров и скучал по мне, уговаривая меня не уходить или взять его с собой. У меня сердце обливалось кровью, когда я слушала это. Но я заставляла себя мыслить трезво. Я должна буду работать, чтобы иметь деньги. Носиться с малышами мне будет некогда, а Аврора еще не обладает достаточной серьезностью, чтобы поручить ей эти заботы. Кроме того, в комнате Изабеллы негде будет поместить ребят. Они не так малы: Жанно – шесть лет, Шарло – уже девять, сдерживая слезы, я попросила Жанно подождать еще немного. Только одно обстоятельство успокаивало меня: то, что рядом с ним находилась Маргарита.

Приближались сочельник и Рождество, и работы у гражданки Мутон было хоть отбавляй. По рекомендации Изабеллы меня охотно приняли в пекарню. Так как праздники были не за горами, булочница развернула кипучую деятельность; нужно было приготовить сотни пирожков и сдобных бриошей. Эти вещи стоили дорого и не расхватывались покупателями, но в канун Рождества спрос даже на дорогую продукцию увеличивался. Кроме того, гражданка Мутон поставляла свои изделия в дома богачей и даже в буфет Конвента.

Поднявшись спозаранку, мы в огромных чанах месили тесто и раскатывали на столах то, что было приготовлено с вечера, жарко растапливали огромную печь и готовили сдобу. Я впервые занималась этим, меня поражали сами масштабы работы. Кроме нас с Изабеллой, здесь было еще пять женщин, не считая самой гражданки Мутон. Когда руки у них уставали, они мыли ноги, закатывали юбки до самых бедер и запросто месили тесто ногами.

В окна еще не заглядывал рассвет, а в пекарне уже кипела работа. Было жарко, как в аду, все обливались потом. Я сбросила с себя всю одежду, кроме нижней юбки и лифа, и как можно плотнее собрала на затылке золотистые волосы, чтобы не очень досаждала духота. Сладкий запах мака, айвы, варенья и сдобы дурманил голову.

И все-таки это занятие понравилось мне куда больше, чем вязание кружев. Гражданка Эмильенна Мутон была начисто лишена той дешевой спеси, которую я подмечала в других слишком быстро разбогатевших буржуазках, и если когда и прикрикивала на своих работниц, то почти по-дружески. Трудилась же она наравне со всеми. Тут же, в пекарне, работала и ее дочь – незаконнорожденная девица, уверявшая, что ее отцом был аристократ-подлец, сбежавший в Англию, и считавшая себя поэтому жертвой тирании.

В девять утра все уже было готово. Несмотря на гонения, которым подвергалась религия, во время рождественской мессы парижане толпами заполнили церкви; улицы были полны людей, по старинке радовавшихся празднику. Коммуна строжайше запретила гражданке Мутон в Рождество открывать лавку, поэтому работницы вынуждены были сами отправиться в город для продажи товара.

Мы с Изабеллой получили по разноцветной круглой коробке, доверху заполненной «утехами» – свежим сдобным печеньем. Вообще-то это были обычные для Старого порядка облатки, но нынче католические названия были не в моде, и печенье стало называться «утехами». Вооружившись трещотками для привлечения ребятюшек, мы двинулись к церкви Ла Мадлен.

День был морозный, солнечный; легкая пороша покрывала землю. Аврора шла впереди нас, потрясая трещотками, и мы, вероятно, производили много шума. Коробки наши быстро пустели; каждой матери хотелось в праздник купить ребенку какое-нибудь лакомство. Вернувшись в пекарню за новой порцией «утех», мы отправились продавать их в парк Монсо.

Отсюда мы уже не спешили возвращаться в пекарню. Здесь было шумно и весело, словно никто и не помнил о гильотине и революции. Нарядно одетые дамы прогуливалась с одетыми по моде Старого порядка кавалерами, девочки играли в серсо, выступал актер с кукольным театром. Распродав свой товар и досыта наевшись «утех», мы зашли в «Лилльскую красавицу» – нечто вроде бистро, и заказали кофе для всех, лимонад для Авроры и по стакану розового божоле для себя.

– Мне нравится, – сказала я, чувствуя себя слегка опьяневшей от вина.

– Что нравится?

– Эта работа. Знаете, я думала, мне будет стыдно торговать, а это нисколько не стыдно. Особенно когда в компании. И тратиться на еду почти не нужно. Если находишься рядом с печеньем, то всегда будешь сыт...

Изабелла покачала головой.

– Не обольщайтесь, дорогая. Так может быть не всегда. Нет ничего более неустойчивого, чем нынешнее время. В любой момент Конвент может запретить выпекать бриоши или сладости – муки ведь и на хлеб не всегда хватает... Эта Республика все превратила в беспорядок, никто не может быть уверен в том, что будет завтра.

Я приложила палец к губам, призывая ее к осторожности. Кроме того, мне не хотелось говорить о плохом. Даже то, что пир в «Лилльской красавице» обойдется нам в целых два ливра, не могло меня сейчас встревожить. Я хотела хоть на миг сбросить с себя этот противный груз тяжелых забот.

– Нам почти не дали отметить это Рождество, – сказала Изабелла.

– Мы можем отпраздновать его сегодня. Почему бы нет?

Мы рассмеялись. Вино нас обоих привело в приподнятое настроение. Жизнь продолжается, думали мы обе, даже несмотря на революцию и казни.

– Надо уходить, – прошептала Изабелла. – Едва начнет смеркаться, появятся патрули. Не дай Бог попасться им на глаза.

– Но до вечера еще далеко, – вмешалась Аврора.

– До нашего дома тоже не близко, мадемуазель.

Мы вышли из «Лилльской красавицы» и не слишком уверенно зашагали по Вдовьей аллее. Я думала о том, что все не так уж плохо складывается. Я получила хорошую работу, жилье и не самый низкий заработок, я, наконец, нашла подругу. Наверняка на днях Розарио выпустят из Люксембурга. Террору видно приходит конец. Комитет справедливости занялся пересмотром дел, Камилл Демулен выпустил новый номер своего «Вье корделье», где страстно выступал против утвердившегося облика Свободы, непременно залитой кровью...

– Эй, гражданка!

Этот резкий, требовательный оклик заставил нас остановиться. Я оглянулась. На аллее стоял важный, солидный комиссар в роскошной трехцветной перевязи и указывал пальцем именно на меня. Сердце у меня ушло в пятки.

– Да-да, именно ты, гражданка! Не будешь ли ты любезна подойти ко мне?

Я поняла, что погибла. Он непременно спросит у меня свидетельство. Очевидно, я чем-то показалась ему подозрительной. Перехватив настороженный взгляд Изабеллы, я пошла на зов – ибо, как можно было отказать комиссару? – той поступью, какой идут на казнь.

Комиссар сделал нечто, совершенно для меня неожиданное и непонятное: он приподнял шляпу и поклонился.

– Я – Доминик Порри, гражданка, комиссар народного общества секции Социального контракта.

– Очень приятно, – пробормотала я, смутно понимая, что он говорит.

– У меня здесь коляска, – произнес он, прижимая шляпу к груди. – Конечно, нанятая коляска. Ты мне очень нравишься, гражданка. Могу ли я подвезти тебя?

Расширенными от изумления глазами я взглянула на него.

– Да, – сказал он смущенно, – почему бы мне не помочь настоящей труженице, да к тому же такой красавице! Ты согласна, гражданка?

Больше всего на свете мне хотелось послать этого комиссара к черту и отвязаться от него. Но мне удалось быстро понять, в чем дело, и переменить тактику.

– Меня зовут Жюльетта Фромантен, – сказала я, ласково улыбаясь. – Но я не одна, гражданин Порри. Со мной дочь и подруга.

– А, дочь! – повторил он слегка огорченно. – А муж?

– Он убит еще под Вальми, гражданин.

Комиссар прикоснулся к своей трехцветной перевязи, словно желая этим выразить мне свое сочувствие.

– Я подвезу всех вас, гражданка!

Я видела, что он робок по натуре и, вероятно, принимая меня за свою, исполнен самых честных намерений. От него будет нетрудно отвязаться. Я решительно махнула рукой Авроре и Изабелле.

– Где вы живете? – спросил комиссар.

– У церкви Ла Мадлен, – сказала я, и не думая даже называть ему наш настоящий адрес.

Гражданин Доминик Порри довез нас в нанятой коляске до самой церкви, еще и купил мне пакетик сладкой айвы. Единственное, на что он решился, – это мимолетно дотронуться до моей руки. Вел он себя в высшей степени безупречно и развлекал нас беседой о том, что по воскресеньям ездит в Лоншан к своей матери и там, в тех чудесных местах, на природе, отдыхает.

– Вы позволите пригласить вас на прогулку в это воскресенье? – спросил он, помогая нам выйти из коляски.

Я видела, что ответа он ждет именно от меня, и, улыбаясь, воскликнула:

– Конечно, гражданин Порри! Если ты зайдешь за нами в воскресенье утром...

– Я зайду! – пообещал он, радостно пожимая мне руку. – Ты просто прелесть, Жюльетта!

Сам он был нерешителен и скучен, – так, достаточно серенький мужчина, и, если бы он не был комиссаром, мне бы и в голову не пришло терпеть его так долго.

Давясь от смеха, мы поднялись на второй этаж одного из домов и терпеливо подождали, пока коляска гражданина Порри уедет.

– Надо же, – разочарованно произнесла Изабелла. – До чего эти буржуа неинтересны... Абсолютно никакого блеска, не правда ли?

Повернувшись ко мне, она лукаво добавила:

– Вы делаете успехи, дорогая! Вы хорошеете на глазах. Если и дальше так пойдет, на вас обратят внимание все комиссары Парижа...

Взявшись за руки, мы спустились вниз. На улице уже смеркалось. Хотя комиссар и довез нас почти до дома, надо было поспешить, чтобы не встретиться с каким-нибудь патрулем.

Едва оказавшись в комнате на Королевской улице, Аврора устало прилегла на раскладную кровать, а вскоре и уснула. Загадочно улыбаясь, Изабелла достала из шкафчика бутылку вина и остатки пирога с телятиной.

– Но мы уже пили сегодня!

– Ну и что? Рождество для нас прошло в трудах. Нам надо наверстывать упущенное.

Мы отгородились от Авроры ширмой, чтобы не потревожить девочку, и устроили пир прямо на разобранной кровати; другого места просто не было. Крепкое, свежее вино из заветной бутылки Изабеллы было почти таким же хорошим, как в погребах моего отца, – оно огнем пробежало по телу, обволокло сладким дурманом сознание. Все вокруг стало казаться более ярким, красивым... Мы окончательно опьянели. Глядя в черные глаза Изабеллы и слушая ее болтовню, я почему-то думала, что удивительно похожу на ту монастырскую воспитанницу, которая по ночам тайком забиралась в постель Мари Анж де Попли, чтобы послушать ее рассказы о театре.

Я качнула головой. И придет же такое! Я слишком много выпила, раз уж мне вспомнился монастырь...

– Видите, Сюзанна, как благотворно действует на вас мое общество? Стоило вам два дня хорошо поесть и побыть на свежем воздухе, как на вас бросаются даже такие важные особы, как комиссары секции. – Она весело рассмеялась. – Я говорю правду. Вы прелестны, моя милая.

Очевидно, мы обе, в прозрачных рубашках и с распущенными по плечам волосами, были прелестны, но что-то в голосе Изабеллы меня удивило. Я подняла голову. Качнувшись, как опьяневшая, она вдруг подалась ко мне, ее губы коснулись моего виска. Вроде бы ничего особенного не произошло – она просто поцеловала меня, но этот поцелуй был полон такой горячей нежности, что я вздрогнула. Улыбаясь, она наклонилась снова и коснулась губами моих губ. На этот раз я поняла – в ее поцелуе нет ничего дружеского...

– Изабелла! – прошептала я, скорее удивленная, чем шокированная. – Это что... то самое? Это школа Версаля?

– Да вы просто невинный голубок, моя дорогая!

Рассмеявшись, она упала на подушки, закинув руки за голову, и какое-то время лукаво глядела на меня.

– Не бойтесь. Я тоже не охотница до таких наслаждений.

– Но вы... вы знали их? Я слышала, это было... Мадам де Ламбаль, например...

– Я знала все, что было в Версале. Все! Слышите? А это очень много. Подобные ласки, они... слишком нежны. Они как десерт... Но мы сейчас даже не обедаем, к чему нам сладкое?

– А почему же вы не обедаете? Вы, Изабелла!

– Наши мужчины растаяли в воздухе. Какой уж тут обед!

Лежа в постели, с разметавшимися по подушке черными как смоль волосами, она воплощала собой самый совершенный тип версальского очарования: прекрасное лицо, изящное, гибкое тело, сияющие черные глаза... Изабелла знаком пригласила меня к себе, я легла рядом, положив голову ей на плечо. Честно говоря, я легко соглашалась с ее превосходством. В конце концов, она на пять лет старше. Я всегда чувствовала к ней симпатию.

– Я любила наших мужчин, аристократов. Они были сама изысканность, остроумие, непредсказуемость. Стоило лишь выйти в свет, чтобы сразу отыскать себе партнера... А нынче? Все эти новые хозяева жизни мне смешны. Стоит только послушать, какие речи они произносят! Этот бумажный пафос, эта смехотворная напыщенность...

– Они все злы, я знаю, Изабелла! Я имела возможность испытать это на себе. Ни одна женщина из тех, что знали Версаль, не может не чувствовать к ним презрения. Да и они не любят женщин.

Она проговорила быстро и насмешливо:

– Знаете ли, дорогая, хоть мужская сила и не является непременным признаком порядочности и добродушия, ее отсутствие абсолютно всегда превращает мужчину в злобного недомка. Взгляните на нынешних монстров – они все таковы. Робеспьер, Сен-Жюст – все импотенты...

– Сен-Жюст? – переспросила я. – Такой красавец?

– Он импотент в душе. Я называю так тех мужчин, которые не способны к любви, любовной изобретательности, дерзости, самозабвению. Все они скучны и целомудренны, как пуритане. Они, может быть, и хотели бы развратничать, да им этого не дано. Речь ведь не идет о механическом совокуплении. Любовь – это сложное искусство, вы же знаете, дорогая, для него недостаточно одних лишь мужских достоинств, для нее нужны ум и душа. Все они – скверные любовники, и их так много, что это настоящее бедствие!

– Да ну? – осведомилась я заинтересованно.

– Разумеется. Каким любовником может быть мужчина, который по-настоящему не любит женщин? И они даже не подозревают, насколько невежественны, они даже понятия об этом не имеют!

– Но у многих из них есть жены.

– Они просто предпочитают иметь хоть плохого любовника, чем совсем никакого, лежат и молча страдают.

Она говорила о вещах, которые меня интересовали, но мы обе достаточно выпили, и нас невольно клонило ко сну.

– Ну, а вы? – проговорила я полусонно.

– Аристократы растаяли в воздухе, буржуа – сплошные импотенты в душе, ну а вы? С кем же вы проводите ночи, Изабелла? В кого влюблены сейчас?

– Я нашла одного такого, – почти мечтательно произнесла она.

– Нашли?

– Это сокровище, а не мужчина. Если бы вы только знали... Сжимая мою руку, Изабелла пробормотала:

– Это кладезь любовной фантазии. У меня еще никогда не было такого невероятного любовника... Пожалуй, он превосходит даже графа д'Артуа, по крайней мере, по степени разнообразия. Он долго служил в Индии. Знали бы вы, какие сногшибательные приемы он вынес оттуда... Когда я с ним, мне кажется, что я попадаю в стремительный кипящий поток...

– Он аристократ? – спросила я, уже засыпая.

– Да. Герцог...

– И он в Париже?

– В подполье. Впрочем, как и все мы...

Сон неумолимо овладевал нами. Я уже не в силах была поддерживать беседу. Обнявшись, мы уснули, мысленно решив поговорить об этом невероятном мужчине чуть позже, утром.

4

После работы в пекарне, в десять часов утра мы, как обычно, отправились продавать пирожки. Был хмурый, холодный понедельник. Когда на церкви Сен-Жермен-де-Пре пробило двенадцать дня, я решила, что пора вспомнить о Розарио, и попросила Изабеллу отпустить меня на час или полтора, для того чтобы я могла отнести кое-что брату в Люксембург.

Изабелла пораженно взглянула на меня.

– Вы даже не заикались о том, что у вас кто-то в тюрьме!

– Но ведь мы встретились всего четыре дня назад.

Я вкратце рассказала ей, в чем дело. Изабелла слушала внимательно и обеспокоенно, ни разу меня не прервав, было видно, что она встревожена.

– Не волнуйтесь, – успокоила я ее. – Я уверена, что все закончится освобождением моего брата. Может быть, сегодня я в последний раз отнесу ему передачу.

– Почему вы так думаете?

– Потому что я услышала, что «умеренные» начали кампанию за прекращение террора, и написала письмо Фукье-Тенвилю.

Реакция на мои слова была совсем не такой, как я ожидала. Изабелла потрясенно смотрела на меня, в ее глазах стоял такой ужас, что это меня не на шутку встревожило.

– Письмо? Вы написали письмо?!

– Да. Я просила освободить брата и...

– Просили Фукье-Тенвиля?!

У меня мороз пробежал по коже. Почему в ее голосе звучит такой ужас, словно я сделала что-то страшное?

– Боже мой, Изабелла, вы меня просто пугаете. Либо объяснитесь сразу, либо...

– Я вовсе не желаю вас пугать, но если вы действительно написали письмо этому чудовищу, то ваш брат уже мертв!

Схватив меня за руку, она воскликнула:

– Вам следовало молчать, затаиться, делать так, чтобы о вашем брате забыли и не вспоминали никогда! Только это могло его спасти. Но вы написали письмо, вы хлопотали! Нет ничего страшнее этого. Святой Боже, да ведь всем в Париже известно, что Фукье-Тенвиль первыми приговаривает тех, за кого у него хлопочут...

Тяжело дыша, я вырвала свою руку.

– Этого не может быть! Скажите, что это неправда, Изабелла!

– Увы, моя дорогая, я говорю правду. Сами того не желая, вы погубили своего брата.

У меня зазвенело в ушах. Не дослушав, я бросилась бежать прочь. Какое-то время меня еще преследовала мысль, что все это неправда, это слишком кошмарно, чтобы быть правдой. Я не могла погубить Розарио... Да я просто не смогу жить, если это так!

Обезумев от отчаяния, я бежала по улице, сама не сознавая, что делаю, и натываясь на встречных прохожих. Холодный ветер леденит мне лицо, я попадала в грязь и лужи и не замечала этого. Кровь туго стучала в висках, я ничего не ощущала и не слышала, кроме собственного горя. Если бы все услышанное мною оказалось неправдой! Но, Боже мой, разве в этой стране сбывается что-нибудь хорошее?!

За каких-то десять минут я примчалась к Люксембургской тюрьме, пробежала по саду, обращая на себя внимание даже всегдашних посетителей этого печального места. Задыхаясь от волнения и спешки, я громко постучала в железную дверь. Привратник, гражданин Прюнель, открыл мне быстрее, чем обычно.

– Мой брат! – взмолилась я, совершенно забывая, что Розарио считается моим мужем. – Его фамилия Фромантен...

Удивленный, Прюнель удрученно развел руками.

– Вы опоздали, гражданка. Еще вчера, хоть вчера был и праздник, его да еще нескольких человек увезли в Консьержери.

– Консьержери!.. – повторила я с ужасом.

У меня опустились руки, а внутри все похолодело от отчаяния. Консьержери – это была тюрьма смертников, туда увозили для того, чтобы отправить в Трибунал. А Трибунал – это значит гильотина.

Пошатнувшись, я была вынуждена опереться на руку Прюнеля, чтобы не упасть. Добрый старик участливо поддержал меня.

– Таковы времена!.. – сокрушенно твердил он. – Таковы времена, дочка! Никто не может чувствовать себя в безопасности. Я-то уж вижу. В тюрьмах в десять раз больше невиновных, чем виновных...

Не дослушав, я медленно остановилась и пошла прочь. Я не способна была сейчас воспринимать чье-либо сочувствие, я даже не нуждалась в нем. Консьержери... Само это слово звучало как эпитафия. Как конец всему. Из Консьержери не бывает выхода. Оттуда есть лишь одна дорога – на эшафот. О Боже! Ты не сделаешь так, чтобы это случилось с Розарио! Ты не имеешь права! Ты не должен!

Я сжала зубы, чтобы не закричать от горя. Мне еще необходимо мужество. Я должна добраться до этого проклятого Консьержери. Я не знала, что я сделаю. Я даже знала, что ничего не могу. Но стоять и просто ждать я была не в состоянии. Да и сколько ждать? Чего?

Выбежав на середину улицы, я остановила какой-то ободранный кабриолет. У меня не было времени бродить по Парижу пешком.

– Набережная Люнет! – произнесла я адрес, будучи не в силах назвать это слово – Консьержери.

Копыта быстро зацокали по мостовой. Сжав виски руками, я с отчаянием подумала: а нужен ли мне этот Консьержери? Если Розарио еще там, это большое счастье, но меня к нему не пустят. Я должна поехать во Дворец правосудия, в Трибунал, и узнать, не было ли еще суда... и жив ли еще мой брат.

Извозчик остановил лошадь у моста Шанж.

– Ну, плати деньги, гражданка!

Лишь наполовину уяснив его слова, я подала ему все, что было у меня в кармане, и спрыгнула на землю.

– Черт возьми, голубушка, да тут только двадцать су! Я не люблю шуток! Ты должна мне двадцать ливров, гражданка!

Не вслушиваясь в эти возгласы, я уже было отошла от кабриолета. Я не допускала даже мысли, что кто-то посмеет задержать меня в такую минуту. Но извозчик бросился следом за мной, больно схватил за локоть.

– Плати сейчас же, не то живо в полицию отведу!

Я резко обернулась, в упор взглянув на извозчика сузившимися от ярости глазами. Лицо у меня было искажено неистовым гневом и болью. Высвободив свою руку, я крикнула хрипло и яростно:

– Если ты хоть на секунду удержишь меня, я убью тебя, ты, выродок!

Он явно опешил и был ошеломлен и моим лицом, и словами. Бормоча под нос проклятия, я зашагала по мосту Шанж на остров Ситэ.

Какое-то время я была в полубессознательном состоянии и шла, натываясь на прохожих. Громкие голоса во Дворце правосудия привели меня в чувство. Спотыкаясь, я обошла один за другим все четыре зала, где заседала секция Революционного трибунала. Заглядывая туда,

я не видела ничего, кроме рокового кресла, предназначенного для подсудимых. Но одна из секций заседание на сегодня уже закончила. В остальных судили за измену Республике какого-то военного, служанку, крикуншу «Да здравствует король!», и приезжего испанца, которого сочли шпионом. Одно было абсолютно точно – Розарио я не видела. Нельзя сказать, что это меня успокоило. От щемящей, болезненной тревоги у меня засосало под ложечкой. Я снова вышла на лестницу, чтобы вдохнуть холодного воздуха.

Какой-то драгун стоял на ступенях и курил трубку. Покачиваясь, я подошла к нему.

– Как мне узнать, кого сегодня осудили? – спросила я, не задумываясь, что он может и не знать ответа.

Драгун небрежно ткнул пальцем в сторону.

– Вон там! Ступай туда.

Я увидела свежевывешенные списки осужденных. На них еще даже чернила не высохли. Мой взгляд сразу отыскал букву «Ф», но строчки плясали у меня перед глазами и я никак не могла разобрать написанное. И вдруг мне стало ясно: между фамилиями какой-то Жюльенны Фонфреды и Жозефа Фуре стоит то самое имя – «Этьен Фромантен, роялист, английский шпион и фальшивомонетчик, составивший заговор во имя восстановления тирании и монархии».

Это был он. Мой брат. Розарио Риджи.

Глаза мне заволкло красным туманом. Медленно повернувшись и ничего не видя перед собой, я стала спускаться по лестнице. Оставалось надеяться только на чудо. Но ведь чудес не бывает... В особенности со мной и моими близкими. И это я убила Розарио. Я написала письмо прокурору. Если бы не это, Розарио был бы жив.

В самом конце лестницы я споткнулась и упала на землю. Пожалуй, я не стала бы подниматься. Но какая-то женщина подбежала ко мне и поддержала.

– Эй, что это с тобой, бедняжка?

– Его осудили, – прошептала я с таким отчаянием, что самой себе сделала еще больнее. – Его казнят!

– Кто он тебе?

– Брат. И это я его погубила.

– Что ты зря чепуху болтаешь! Когда губят, так не убиваются. Это Фукье его погубил, а не ты.

Она помогла мне подняться, отряхнула мне юбку.

– Что мне теперь делать? – прошептала я через силу. – Ведь теперь даже апелляции не существует!

Женщина, очевидно, не знала, что такое апелляция. Она шепотом заговорила о другом:

– Если твоего брата осудили, значит, отвели в Консьержери. Назад, стало быть. Телеги придут только вечером. Ну, может, чуть-чуть раньше. Иди, жди его там. Ведь хочешь же ты его в последний раз увидеть!

Я молча качала головой, не понимая, что она говорит. Все, что происходит, – это слишком для меня одной. Я, вероятно, сойду с ума.

– Если пойдешь, опасайся «вязальщиц». Это такие стервы, которые вечно у тюрьмы дежурят. Увидят, что ты плачешь, – могут даже избить.

Я оставила ее, даже не поблагодарив. Только пройдя десяток шагов, я осознала, что она мне говорила. Да, я должна увидеть Розарио... Но только, Боже мой, сделай так, чтобы он меня не увидел!

Телеги уже стояли у ступенек – два деревянных возка, на которых возят либо дрова, либо падаль. Лошади конвоя обгладывали кору с деревьев, а сами жандармы курили, дожидаясь, пока будет приказано отправляться в ежедневный, привычный путь. Они каждый день сопровождали телеги с осужденными на площадь Революции – бывшую площадь Луи XV.

- Смотрите, палач!
- Верно! Это сам Сансон.
- Вот уж у кого нынче больше всего работы...

Я вздрогнула. Эти возгласы вырвали меня из того горестного оцепенения, в котором я находилась. Блуждающими глазами я обвела толпу и увидела идущего сквозь ряды женщин огромного, коренастого мужчину с подручными. Это был парижский палач Сансон. Он отрубил голову королю, он казнил Марию Антуанетту. А сейчас, вероятно, сам потерял счет своим жертвам.

Пораженная, я снова и снова приглядывалась к толпе, прислушивалась к речам, которые звучали. Меня потрясло то, как не похоже было мое настроение на настроение остальных присутствующих. Здесь болтали, смеялись, произносили патриотические речи и говорили о политике. Торговки продавали духи, пудру, пирожки. Одна женщина бойко торговала песенками, любовными романами, сонниками и патриотической литературой... А некоторые вслух издевались над теми, кого осудил сегодня Трибунал.

Хоть я и была в отчаянии, все это вызывало у меня приступ гнева. Я ненавидела толпу, чернь, называемую ныне народом. Ей лишь бы кровь, лишь бы расправы. Испокон веков она творила все самое мерзкое и презренное, что было в истории. Когда судили Иисуса, толпа вопила: «Распни! Распни!» А потом столетиями поклонялась ему. Впрочем, сейчас так же легко его низвергла. Народ любил жирондистов, и по воле того же народа их обезглавили. Ему было все равно, кого убивать... И я внезапно поняла: террор никогда не уступит место любви. Толпе нужна кровь, чтобы утолить жажду. И только когда этой крови станет так много, что это вызовет тошноту и отвращение, когда кровавые испарения станут душить толпу, – только тогда террор прекратится и Революция закончится. Оставив в качестве апофеоза целые груды отрубленных голов.

Стали выводить осужденных. Первой вышла женщина лет сорока, одетая бедно и неопрятно. Это была служанка, виновная в том, что при виде осужденных воскликнула: «Ах, несчастные!» Вышел неприсягнувший священник, который якобы утверждал, что для блага Франции нужен король, а Конвент и его свита поедают больше, чем старый режим. Вышла юная девушка, почти ребенок, белокурая и хорошенькая, приговоренная к смерти за то, что, не имея денег, торговала собой и совращала патриотов.

«Вязальщицы», жестокие и тупые, потешались над приговоренными.

- Верно делают, что не дают им спуска!
- Меньше будет в Париже заразы!
- Не сиди так прямо, ты, шлюха! Вот как чихнешь головой-то в корзину, спеси сразу поубавится!

Меня била лихорадочная дрожь. Я всматривалась в лицо каждого, кого выводили и усаживали на роковые телеги. Офицер, стекольщик, аристократ, снова офицер... Волосы у всех были очень коротко острижены, вороты рубашек отрезаны.

Я увидела Розарио.

Он был в одной рубашке, разорванной на груди и со связанными сзади руками. Кровь отхлынула от моего лица, а сердце пропустило один удар.

- Каков красавчик! – воскликнула одна из «вязальщиц». – Ясное дело, хлыщ!
- Отъявленный мерзавец! Шпионил в пользу Питта и печатал фальшивые деньги!

Как безумная, пробиралась я через враждебную толпу, и каждый злобный едкий возглас, как игла, пронзал мне сердце. Я сама не понимала, что делаю. Как смерти, я боялась того, что Розарио может меня заметить, что мой вид причинит ему дополнительную боль. Да и как я смогу взглянуть ему в глаза? Это я погубила его. Мне никогда не найти оправдания тому злосчастному, кошмарному поступку. Я, вероятно, тоже умру сегодня вечером... По крайней

мере, такая острая боль пронизывала мне грудь, что я через силу дышала и едва не теряла сознание.

Ни священника, ни причастия осужденным перед смертью не полагалось. Розарио уже сидел в телеге, равнодушно глядя по сторонам; лицо его было бледно и задумчиво, он, казалось, не слышал даже душераздирающих воплей, которые испускала служанка, виновная в излишнем милосердии и теперь напрасно умолявшая о нем. Сидящая рядом с Розарио проститутка держалась прямо и важно, с наивной гордостью вскинув юную красивую головку; я видела, как брат перемолвился с ней несколькими словами.

Толпа отхлынула, едва не повалив меня. Жандармы вскочили на лошадей и окружили телеги. В одну из них влез громадный палач Сансон. Раздался приказ, и телеги тронулись, сопровождаемые некоторыми присяжными Трибунала и судьями.

Я пошла следом – не потому, что знала, зачем иду, а потому, что не идти не могла. Непреодолимая сила влекла меня туда, где был Розарио; если ему суждено взойти на Голгофу, то я обречена стать его Марией Магдалиной. Кающейся... Правда, ни криков, ни слез у меня не было, я шла, как автомат, упрямо и полубезумно. Все у меня внутри окаменело от боли и отчаяния. Если бы кто-то сейчас сильно толкнул, я бы упала на мостовую и больше не поднялась бы.

– Смерть им! Смерть им! – вопили «вязальщицы».

Сеялся мелкий холодный дождь, бил в лицо, неприятно колот глаза. Телеги ехали медленно, но я все равно отставала, едва находя в себе силы передвигать ноги. Иногда мне казалось, что это я иду на казнь. Я встряхивала головой, пытаюсь опомниться, вырваться из этого странного оцепенения. Тогда мне вспоминалось прошлое. Я встретила Розарио совсем недавно, но успела полюбить его – за жизнелюбие, оптимизм, смелость и непобедимое легкомыслие, с которым легче переносить все эти кошмары. Он был такой веселый, страстный, неунывающий. Он был мне опорой. И он погибнет. Так, как все, кто окружает меня. Должно быть, я приношу несчастье...

Страшное отчаяние снова захлестнуло меня, я ощутила горе с такой силой, что не могла не вскрикнуть, и остановилась, пошатываясь и прижимая руку к груди. Мы уже были в конце улице Сент-Оноре. Телеги на мгновение остановились, и какой-то весельчак, обмакнув метлу в чан с красной краской, кропил их водой.

Процессия повернула направо, на площадь Революции, и я увидела чудовищную статую Свободы. А рядом – эшафот и ужасную двуногую химеру – гильотину.

Жандармы окружили ее. Я стояла примерно в двадцати туазах оттуда, но видела, как сбегаются к эшафоту голодные псы, жадно предчувствуя щедрую порцию крови. Торговки ни на миг не прекращали своего занятия. Казни давно утратили необычность, торжественность. Они происходили каждый день, превратились в ритуал, нечто совершенно обыденное, само собой разумеющееся. Палач хотел поскорее закончить свою работу. Едва телеги остановились, я видела, как юную уличную нимфу поторопили взойти на эшафот.

Ее белокурая хорошенькая головка, окруженная еще нимбом детства, быстро исчезла под ножом. Служанка, сидевшая в телеге, разразилась ужасными воплями. Помощники палача схватили ее и потащили к эшафоту, тем временем как Сансон показывал отрубленную голову проститутки собравшейся толпе.

– Быстрее, быстрее, еще быстрее! – весело кричал один из присяжных.

Какой-то патриот бойко затынул:

Гильотина, не зевай,

Работать не переставай!

Эй, на гильотину!

В груди у меня словно что-то оборвалось. Я видела, как сошел с телеги Розарио. Руки его были связаны сзади, и это подчеркивало природную силу его широких плеч. Он был молодой, сильный мужчина, «отменный», как сказала бы Маргарита, виновный только в том, что защищал свою сестру. Палач, показав голову служанки народу, швырнул ее в корзину. Кровь потоками струилась сквозь доски эшафота, и псы жадно лизали ее. Тела гильотинированных бросали на телегу, чтобы отвезти на кладбище, сбросить в общую яму и засыпать гашеной известью. Именно так была погребена и Мария Антуанетта...

Точно молния вспыхнула у меня в голове, ярко-красный туман застил глаза. Я увидела Розарио там, у того места, увидела, что его голова почти исчезла под страшным треугольником. На миг и слух, и дар речи, и зрение покинули меня, я словно заледенела. Потом приветственные крики толпы пробудили меня. Пелена упала с моих глаз, и, как в кошмарном сне, я увидела Сансона, показывающего голову Розарио народу...

Кровь заливала эшафот. Кровь была на палаче, гильотине, жандармах, кровь алела на лбу каждого из присутствующих, как каиново пятно. Голова Розарио полетела в корзину.

Раздался громкий, полубезумный крик, отчаянный вопль, вмещающий и боль, и гнев одновременно. Все оглянулись. Пошатнувшись, я оперлась рукой на чей-то локоть. И только потом поняла, что это был мой крик.

– Видно, родственница! – произнес кто-то в толпе.

Мужчина, поддержавший меня, вполголоса проговорил:

– Уходите поскорее отсюда, несчастная. Здесь все кишит агентами Комитета. Уходите, если вам хочется жить!

Я пошла. Толпа расступалась передо мной, словно каждый боялся, что его заподозрят в том, что он со мной знаком. В сущности, мне сейчас было все равно, остановят меня или нет... С тем криком выплеснулась вся боль и ушло оцепенение. Я очень страдала от того, что случилось, но внезапно поняла, что что-то иное мучит меня. Что-то несделанное, незавершенное, то, что я не имею права не сделать... Но что?

Розарио больше нет. Я шла, сознавая это и бесцельно глядя перед собой. Взгляд у меня был блуждающий, лицо даже под дождем пылало, единственная слеза прокатилась по щеке. Кто-то толкнул меня, кто-то выругал за невнимание и обозвал пьяной. Я чувствовала, что вся горю. Что же я должна сделать?

У одного из домов сознание у меня прояснилось. Розарио казнен. Кто виновен в его смерти? Кто заслуживает самого беспощадного наказания, самой ужасной мести? Это имя всплыло у меня в памяти, вызвав такой приступ ярости, что я на миг задохнулась.

– Белланже! – выдохнула я.

А скорее всего мои губы сами собой сказали это. Человек, равного которому по подлости я не встречала, мерзавец и негодяй, посадивший Розарио в тюрьму только за то, что тот осмелился вступить за свою сестру. Да имеет ли он право жить на свете после того, как причинил ему и мне такое горе? Он убийца. Он виноват во всем...

– Он должен заплатить, – хрипло и яростно прошептала я.

Я не знала, что сделаю и как. Я лишь пришла к окончательному решению. Я не позволю Белланже жить, если Розарио мертв. Я не верну этим брата, но я восстановлю справедливость. Я сама не смогу жить, если не сделаю этого. Смерть Розарио станет мне вечным укором, но жизнь Белланже навсегда отберет у меня спокойствие. Я испытывала невыносимую муку, сознавая, что этот ублюдок еще живет со своей толстухой женой, пьет чай и похотливо пристает к своим жилицам... Я положу этому конец. Существование нас двоих на этом свете совершенно невозможно.

Теперь я бежала по улице, попадая ногой в лужи, спотыкаясь, сгорая от лихорадочной ярости и время от времени тупо повторяя:

– Он должен заплатить. И он заплатит.

5

Я плохо сознавала, куда иду, и ноги сами привели меня к дому на Королевской улице, где жили мы с Изабеллой. Задыхаясь, сжимая виски пальцами, я поднялась по шаткой лестнице, ведущей в мансарду, и у самой двери замерла. Чего я хочу? Что я здесь делаю? Я сделала усилие, пытаюсь понять это. Должно быть, мне нужна Изабелла. Да, именно она... У нее есть связи среди заговорщиков, она поможет достать какое-нибудь оружие. А если нет, то я придумаю что-нибудь сама, я ограблю оружейную лавку, но Белланже заплатит за свой поступок. Мне не будет жизни, если я не убью его. У меня мелькнула мысль, что так, наверное, думал и Антонио в случае с Антеноре Сантони, но потом рассудок снова замолчал, и глаза заволокло кровавым туманом. Толкнув дверь, я без сил прислонилась к стене, чувствуя, как от слабости подгибаются ноги. Комната кружилась у меня перед глазами, во рту было сухо и солоно.

Тихий мужской смех привел меня в чувство. Блуждающим взглядом я обвела мансарду. Головокружение прекратилось, но только спустя минуту я поняла, что в комнате Изабелла не одна. Вероятно, с ней ее любовник. Это действительно было так: когда взор у меня прояснился, я увидела на простынях два сплетенных тела, волосы Изабеллы, рассыпавшиеся по подушке, и мужскую руку, нежно ласкающую их. Они оба были так увлечены, что даже не заметили моего прихода. Хотя я наделала шуму больше, чем медведь в орешнике.

Я не почувствовала даже самого слабого укора совести за то, что вижу их в столь откровенной позе. Их одежда была беспорядочно свалена в единственном нашем кресле, мужские сапоги стояли тут же. Я готова была повернуться и уйти, но увидела, как что-то блеснуло в этом ворохе одежды.

Это была рукоятка дорогого, инкрустированного перламутром испанского пистолета.

Мне не надо было даже думать, я инстинктивно поняла, что сейчас сделаю. Секунда – и внушительных размеров тяжелый пистолет оказался в моей ладони. В его рукоять была вделана изящная серебряная пластина, на которой тонкими буквами было выгравировано:

Александру дю Шатлэ от Анабеллы де Круазье.

Изабелла застонала от удовольствия, но даже это не привлекло моего внимания. Я забыла и о ней, и о надписи. Не задумываясь, я вышла из комнаты, чувствуя такое исступление, что сейчас меня не остановил бы никто.

У входной двери я задержалась, сунула пистолет за пояс юбки, плотно запахнула шаль и выскочила на улицу под надоедливый морозящий дождь, собиравшийся, казалось, идти вечно.

6

Долгое время я бродила по городу, с трудом удерживаясь от желания свести с Белланже счеты немедленно. Но, в каком болезненном состоянии я ни была, я все же понимала, что для моего намерения нужна была темнота, иначе добрые патриоты, сбежавшись на выстрел, легко поймут меня и отправят вслед за братом. Но у меня есть Жанно... Нет, я должна сохранять благоразумие, пусть даже для этого нужно будет приложить нечеловеческие усилия.

Время текло крайне медленно. Мне казалось, я уже целую вечность брожу по бесконечным улицам этого страшного города, охваченного безумием и страхом. Погода была мерзкая, дождь то прекращался, то начинался вновь, налетал холодный ветер с Сены, вздымая колоколом мою юбку. Я звенела зубами от холода, а пистолет мертвой сталью впивался в тело. Можно было зайти погреться в какую-нибудь лавку, но я в каком-то исступлении шла все дальше и дальше, не обращая внимания ни на усталость, ни на холод и чувствуя, как пылает у меня лицо. Подсознательно я надеялась этим хоть немного унять терзавшую меня боль. Я старалась не думать о Розарио, но ничего не получалось, слишком свежа была рана... Когда стало смеркаться и где-то вдали часы пробили шесть, я в отчаянии подумала: «Пять часов назад Розарио был еще жив», – и сердце снова сжалось от жгучей боли. Мне вспомнились крики толпы, вопли «вязальщиц» и окровавленные руки палача, показывающего пароду голову брата. Мне стало жутко. Должно быть, я нигде не избавлюсь от этого кошмара, он будет сниться мне по ночам...

Даже после казни отца мне не было так плохо, как теперь. Тогда мы с братом нашли друг друга. Мне было на кого опереться, кому довериться. А теперь я была одна. Революция уничтожила всех, кто хоть немного заботился обо мне. И снова ненависть всколыхнулась у меня в душе – ненависть, требующая утоления, немедленного и кровавого. Я не способна была соображать.

Окна домов светились мягким ласковым светом. Кое-где уже садились ужинать, если было чем, конечно. Улицы совсем опустели, стало темно, так как в целях экономии фонари теперь зажигались только в центре города. Редкие прохожие стремились поскорее миновать неосвещенные участки дороги, явно опасаясь грабителей. Я тупо подумала, что мне сейчас на это наплевать. Я больше боялась республиканских патрулей. У меня нет свидетельства о благонадежности, меня сразу заберут в тюрьму... А ведь я еще должна сделать свое дело. Поэтому я шла тихо, у самых стен домов, прислушиваясь к малейшему звуку, ярость и отчаяние придали мне хитрости и коварства и словно обострили слух.

На исходе был седьмой час вечера, когда я тенью скользнула в открытые ворота внутреннего дворика дома Белланже. Ни один человек не встретился мне по дороге. Тихо пройдя мимо фонтана, я приблизилась к дому и, прижавшись к стене, осторожно заглянула в освещенное окно кухни.

Гражданка Белланже поджаривала омлет.

Достав из-под шали пистолет, я проверила, не отсырел ли порох, и, поглядывая на склонившуюся над сковородкой хозяйку, впервые задумалась о том, что собираюсь сделать. Я пыталась размышлять трезво и рассудочно, но мысли у меня путались, как это всегда бывает в состоянии аффекта. Проникнуть в дом? Это легко, но если мне, предположим, удастся застрелить Белланже, то на выстрел прибежит его жена, сбегутся жильцы и задержат меня. Этого никак нельзя допустить... Но что же, в таком случае, делать?

Лихорадочно соображая, я наблюдала за хлопотавшей над ужином хозяйкой. Она вдруг повернула голову и что-то сказала. Ее собеседник находился вне поля моего зрения, но сердце у меня в груди застучало оглушительно гулко. Я ни на миг не отрывала глаз от мокрого запотевшего окна.

Толстуха вновь вернулась к своему омлету, и моя рука судорожно сжавшая пистолет, опустилась. Дрожь пробегала по телу, нервы были напряжены так, что временами я была на грани обморока и совершенно отчетливо сознавала, что долго так не выдержу. Мне надо забыться. Но...

Проковылявшего через кухню Белланже я заметила раньше, чем его собственная супруга. Едва увидев мелькнувшую в окне тень на костылях, я ощутила, как сильно кровь прихлынула к моему лицу. Я подняла пистолет. Ужасная слабость разлилась по телу, я держала оружие двумя руками и все равно ощущала страшную тяжесть. Палец лихорадочно дрожал на спусковом крючке. В голове снова вспыхнула картина казни, кровь, струившаяся сквозь доски эшафота, и словно тысяча молний, сверкнув разом, погасили мое сознание.

Я спустила курок.

Еще ничего не видя и не понимая, я машинально перезарядила пистолет и продолжала стоять все в той же напряженной позе, вытянув вперед руки, сжимающие оружие. Я вся горела.

И я увидела, как, освещенный лампой с тремя горевшими в ней свечами, Белланже дернулся, выпустил костыль и стал медленно оседать на пол. Стекло зазвенело и пошло трещинами. Я даже не осознала, как ужасно громко прозвучал выстрел в вечерней холодной тишине. Я не понимала, куда попала. Но Белланже упал. Значит, он был ранен... Все эти несложные выводы невероятно туго доходили до моего сознания. Я перестала думать. И в то же мгновение ощутила, как снова плывет по телу ненависть и ярость.

Эта туша, распростертая сейчас на полу, не была для меня человеком. Это было существо, причинившее мне ужасный вред, существо, которое я была обязана уничтожить, чтоб оно не укусило других. Отвращение прихлынуло к горлу.

Я выстрелила снова.

Лопнуло, вдребезги разбившись, стекло. Кровь окрасила лоб Белланже. Его жена, в страхе смотревшая на упавшего мужа, издала полный ужаса вопль. На мгновение его глаза встретились с моими глазами.

Я зашаталась. Дрожь сотрясла меня, пальцы разжались, пистолет грохнулся оземь. Только Богу известно, как я не упала вместе с ним. Ужас случившегося только теперь дошел до меня. Я бросилась бежать куда глаза глядят и, завернув за угол, услышала сзади хлопанье дверей и крики:

– Держите убийцу!

Не оглядываясь, я бежала по Малому мосту, и страх подгонял меня. Я не знала, что это за страх и чего именно я боюсь. Это был слепой, безотчетный ужас перед тем, что я совершила и что теперь мне угрожало. Иногда сознание у меня туманилось так, что мне казалось, что я схожу с ума.

Меня никто не преследовал. Возможно, они потеряли мой след. Напряжение, поддерживающее меня в течение дня, мало-помалу спадало, и я ощущала страшное бессилие. Снова пошел дождь, но даже ледяные капли, стекавшие по моему лицу, не могли остудить лихорадочно горевшие щеки. Я с трудом узнавала знакомые очертания улиц и время от времени вынуждена была останавливаться, чтобы, прислонясь к стене дома, подождать, когда перестанет шататься у меня под ногами земля и прекратят свое бешеное кружение дома вокруг. В ушах у меня шумело, и тысячами маленьких молоточков стучала в висках кровь. С невероятным трудом я заставляла себя идти. До меня уже стало доходить, что у меня горячка. Видимо, я больна.

«Я убила Белланже», – тупо подумала я. Да, я убила его собственными руками, но не почувствовала ни облегчения, ни радости, а только усталость и страшную слабость.

Когда я, наконец, дотащилась домой, было уже совсем поздно. Почти ползком поднимшись по лестнице, я распахнула дверь, тяжело опираясь на косяк. Я увидела два силуэта – мужской и женский, – четко выделявшиеся на фоне окна.

Женский силуэт бросился ко мне, и я узнала Изабеллу.

– Сюзанна, ради всего святого! Где вы были?

Хорошо, что она поддержала меня. Силы покинули меня, я была готова упасть на пол.

– Александр, помогите мне! Она теряет сознание.

Какие-то сильные руки подхватили меня, перенесли на постель. Я смутно понимала, кто это. Я запомнила лишь запах – едва уловимый аромат нарда и сигар.

– Только этого нам не хватало! – раздраженно произнес мужской голос. – Изабелла, ваша подруга пьяна.

– Нет. Она не пьяна. Я же говорила вам, ее брат...

Мужчина опустил на табурет рядом с кроватью.

– Мадам де ла Тремуйль! – сказал он резко и требовательно. – Это вы взяли мой пистолет?

Я пошевелила губами, но не произнесла ни звука, и поэтому слабо кивнула, хотя смутно понимала, о чем он спрашивает. Его пистолет? Но разве он его? И если это так, то кто же он?

– Я была права, – проговорила Изабелла. – Не беспокойтесь, Александр.

– И где же он теперь, сударыня?

– Что? – прошептала я.

– Мой пистолет, где он? Ведь при вас его нет.

Заметив, что я впадаю в забытие, мужчина энергично встряхнул меня за плечи:

– Где мой пистолет, извольте отвечать, сударыня!

– Да вы с ума сошли! – прошептала Изабелла. – У бедной женщины горячка. У вас нет сердца. Не будьте так мелочны! Какое теперь имеет значение ваш пистолет?

– Какое значение? Черт побери, моя дорогая! Пистолет был с монограммой. Там ясно написано: «*Александрю дю Шатлэ...*»

– От кого? – спросила Изабелла.

– Не важно от кого. Важно то, что если эта вещь окажется в руках полиции, под угрозой буду не только я, но и все дело.

Уяснив, наконец, чего от меня хотят, я попыталась ответить.

– Кажется... кажется, я убила Белланже. А пистолет... Не знаю. Может быть, я обронила его там.

Я не видела лица напряженно слушавшего меня человека, чувствовала лишь его руки, сжимающие мои плечи, и мне это не нравилось. Я едва слышно застонала. Он разжал руки – то ли из жалости ко мне, то ли из-за того, что он узнал, что я совершила.

– Где же это случилось, мадам? – продолжал допрашивать меня незнакомец. – Где вы совершили свой подвиг?

Закрывая глаза, я прошептала адрес, надеясь, что теперь от меня, наконец, отстанут.

– Она потеряла пистолет, – откуда-то издалека, будто через слой ваты, донесся голос незнакомца. – И она совсем больна. Пожалуй, никак нельзя заподозрить, что она сделала это нарочно.

– Вы отправитесь на улицу Сен-Жак, Александр? – спросила Изабелла.

– Немедленно.

– Но ведь это очень опасно, вас могут узнать.

– Будет гораздо опаснее, если пистолет найду не я, а другие.

Он поцеловал Изабеллу.

– Прощайте, мадам. Мне жаль, что наша встреча так скомкана.

– Увижу ли я вас еще, по крайней мере?

– Я сообщу вам.

Хлопнула дверь. Я снова открыла глаза, пытаюсь прийти в себя. Но комната внезапно закачалась, стала расплываться, перед глазами вспыхнули огненные круги, и, потеряв сознание, я провалилась в черную бездну горячего забытия.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ГРАЖДАНКА КАРОЛИНА БРЕТВИЛЬ

1

Поправлялась я не так быстро, как следовало. Аптекарь, приглашенный Изабеллой, сказал, что это сильное нервное потрясение вызвало у меня жар и лихорадку и что если я успокоюсь, пройдет и болезнь. Изабелла поняла это и меня не тревожила.

На рассвете она уходила в пекарню, оставляя меня на попечение Авроры. Я давно уже была в сознании и больше не бредила, но под вечер у меня снова начинался жар, а от тяжелых мыслей невыносимо болела голова. Я была бы рада ни о чем не думать. Но Аврора убегала играть с соседскими девочками, а я, отпустив ее, лежала, уставившись в потолок, и только и делала, что думала.

Что я сделала? Я застрелила Белланже. Правда, я не знала, застрелила ли насмерть, но мне казалось, что он убит. По крайней мере, я тогда все силы собрала для того, чтобы сделать это. Стало быть, я уже трижды убийца. Но если безансонский гвардеец и герцог де Кабри сами заставили меня защищаться, то теперь речь шла о мести.

Жалела ли я о содеянном? Я знала лишь то, что сейчас такого бы не повторила. Но дело было сделано, и я не видела причин для раскаяния. Во время болезни мне часто вспоминался отец, всплывал в памяти последний разговор с ним. Республика убила моего отца. Человека, который был мне так нужен... Сейчас думать об этом было так же больно, как раньше... Республика расправилась с Розарио. В моем воображении мерзкий образ квартирохозяина разрастался до невероятных размеров, превращаясь в собирательный образ врага. А враги так преследовали меня, что рано или поздно я должна была не сдержаться. Видит Бог, я не святая. Я не умею все время прощать. Может быть, это мой грех. Но иначе я не могу.

Честно говоря, меня больше тревожило то, какую массу неприятностей я доставила любовнику Изабеллы. Как его имя? Увы, я даже не запомнила. Вероятно, он уехал из Парижа. Во всяком случае, у Изабеллы он не показывался, а я еще была слишком слаба, чтобы расспрашивать подругу.

А как глупо было с моей стороны поверить в политику «умиротворения и прекращения террора»... Она продолжалась всего шесть дней. Камилл Демулен, осмелившийся требовать открытия тюрем, был исключен из клуба якобинцев. Комитет справедливости, призванный пересматривать постановления об аресте, был с молниеносной быстротой упразднен. А самый главный человек в Республике Максимилиен Робеспьер выступил в защиту самого беспощадного террора. Его слово решило все. Репрессии вспыхнули с новой силой.

В Лионе, который нес теперь кару за свой мятеж против священной Свободы, конца не было казням и расстрелам. Кровь реками текла в канавах площади Терро, Рона несла обезглавленные трупы. Приговоренных комиссары Конвента Фуше и Колло д'Эрбуа заставляли рыть себе могилы, а солдат поучали, как следует правильно устраивать бойню. Колло, вырвав у гвардейца ружье, сам стрелял по узникам: «Вот как должен стрелять республиканец!»

В Тулоне, отвоеванном у англичан молодым генералом Бонапартом, практиковались массовые расстрелы из пушек, а комиссар Барер клятвенно повторял: «Тулон будет скрыт весь! Его имя впредь – Пор-де-ла-Монтань!¹»

---

¹ Пор-де-ла-Монтань – буквально: Порт Горы. Гора (Монтань) – название якобинской группировки в Конвенте.

В Нанте комиссар Каррье грузил связанных священников на баржи и приказывал выбивать у них дно. Наблюдая, как судно погружается в воду, он весело повторял: «Приговор был исполнен вертикально!» Он же устраивал расправы в долине Сен-Мов, где женщины с грудными младенцами партиями по 500 человек подвергались беспощадному расстрелу. Когда баржей для потопления стало мало, ими решили не жертвовать. Было гораздо проще сталкивать узников в воду со связанными руками, а затем поливать свинцом все пространство реки. Жестокость не обходилась без глумления. Женщин раздевали донага, бросали в воду их детей, утверждая: «Это волчата, из них вырастут волки!» Иногда женщин и мужчин связывали вместе, называя это «республиканской свадьбой».

Тела неслись к морю волнами Луары, стаи ворон затемняли реку, волки бродили по песчаным отмелям... Каррье, созерцая это, восклицал: «Какой революционный поток!»

Они все были маньяками, помешанными. Как-то иначе их поступки объяснить невозможно. О чем, как не о маниакальном психозе, свидетельствует поведение депутата Лебона в Аррасе, по приказу которого матери должны были смотреть на казнь своих детей, а сам он, обмакивая свою шпагу в кровь, текущую с гильотины, говорил: «Как мне это нравится!» Подобных людей нужно было держать в сумасшедшем доме, а вместо этого они сидели в правительстве и совершали революцию.

В Республике было 44 тысячи тюрем. Вся Франция превратилась в один огромный застеноч.

Как-то вечером Изабелла вернулась в особенно дурном расположении духа.

– Введены хлебные карточки, – сообщила она мрачно.

Мы обе знали, что это означает. У нас не будет больше гарантированной порции хлеба по 3 су за фунт. Карточки полагаются тем, у кого есть свидетельство о благонадежности. Нам придется доставать хлеб на черном рынке по бешеной цене.

На следующее утро я, несмотря на протесты Изабеллы, пошла вместе с ней в пекарню. Жить на ее деньги дальше было невозможно. Гражданка Мутон встретила нас хмуро. Благополучие ее торговли было поставлено под угрозу. Она специализировалась на выпечке сдобы и сладостей, а Коммуна в один момент запретила выпекать пирожные и бриоши. Запрет был строжайшим, наказание – тюрьма. Теперь полагалось выпекать лишь так называемый «хлеб равенства» из смеси пшеничной муки с ячменем, овсом или кукурузой, да еще и продавать это по низкой принудительной цене, не окупавшей затрат. Булочница объявила нам, что отныне мы будем получать по сорок су в день.

Мы переглянулись.

– Таковы дела, красавицы! – заявила гражданка Мутон. – Если вам что-то не нравится, попробуйте найти себе другое место.

Это было так же трудно, как достать звезду с неба.

Новый 1794 год принес нам сплошные неприятности. В первой декаде января ударили морозы, и Сена покрылась льдом. В результате подвоз угля прекратился, а если какой-то барже и удавалось достичь Парижа, то в гавани в очереди на нее дежурили по пять-шесть часов. Лесорубы были снаряжены в Булонский, Венсенский и Верьерский леса и в Сен-Клу, но сажень дров стоила целых четыреста су, и мы при нашем заработке не могли себе этого позволить. В то же время холода были такие, что без отопления мы бы замерзли. Поэтому, как-то вечером, мы с Изабеллой распилили во дворе стол и кресло на дрова. Не мы одни придумали такой выход. Многие парижане жгли свои кровати, этажерки, столы. Разумеется, полученные дрова приходилось использовать очень экономно. Мы топили только дважды в день: утром – чтобы согреть завтрак и чай, и вечером – чтобы не умереть от холода.

До самого дна замерзли городские бассейны и водоемы, водовозам приходилось ездить за водой в отдаленные места реки, и подвоз воды резко вздорожал. Теперь за него следовало отдать целых 20 су. Таких денег у нас не было. По очереди мы с Изабеллой сами таскали ведра

с водой и молились, чтобы поскорее настала оттепель. Иногда мы скалывали лед с замерзших фонтанов, а затем оттаивали его, чтобы иметь воду.

С продовольствием становилось все хуже и хуже. К картофелю и овощам было не подступиться. Одна морковь на рынке стоила 4 су, кочан капусты – 12–15 су. Сушеных овощей, риса, чечевицы, бобов вообще не было – все поглотили военные склады. Все мясо уходило к богачам, которые много платили, беднякам оставались последки, к которым принудительно добавлялись кости. Фунт этого мяса стоил 18–25 су, но купить его было невозможно. У мясных лавок очереди собирались с полуночи и выстраивались вдоль веревки. Шутники иногда перерезали ее, начинались ссоры, драки, потасовки, а тем временем дюжие молодцы выносили из лавок без всякой очереди целые туши.

Все продукты были нормированы – сахар, растительное масло, соль, молоко. Но у нас ни на что не было карточек. Мы ходили на рынок, где все стоило еще дороже, несмотря на «максимум». Питались мы крайне скудно и, наверное, голодали бы, если бы не работа в пекарне гражданки Мутон. Как я ни старалась, я не могла сэкономить ни одного су для Маргариты и мальчиков. Работа и походы за водой забирали все мое время, я никак не могла вырваться в Сен-Мор-де-Фоссе, чтобы повидаться с сыном. Кроме того, я была слишком слаба, чтобы идти туда пешком.

Я подумывала о том, чтобы снова взяться за кружева и вязать их по ночам, для приработка. Но сначала было нужно скопить деньги на материал и нитки, а это мне никак не удалось.

Однажды, идя по Скобяной набережной и прижимая к груди драгоценный фунт костей, из которых предполагалось сварить бульон, я была остановлена процессией конных жандармов. Это были уже знакомые мне телеги с приговоренными. Они двигались по Новому мосту по направлению к площади Революции.

– Гляди-ка, все генералы!

– Ошаро, Брюнэ, Ламарльер – все они изменники!

Когда процессия приблизилась, я с внутренней дрожью оглядела осужденных, всех поголовно шпионов Питта и заговорщиков. Все они сидели, вяло уронив голову на грудь, без отчаяния, но и без мужества. Телега как раз огибала меня, когда профиль одного из приговоренных показался мне знакомым.

Это был Франсуа. Капитан де Вильер, мой муж, гражданский брак с которым давно уже был разорван, но церковный еще связывал меня с ним. Я не поверила своим глазам. Франсуа – он с самых первых дней революции был так предан ей, что даже предал меня. Какова его вина? За что он будет казнен?

Испытывая какое-то тягостное чувство, я последовала за телегой. Этот мужчина причинил мне много боли и горя. Он даже коварно уверил моего отца, что я убита в тюрьме Ла Форс. Но все же нас в прошлом что-то связывало. С каким-то непонятым упрямством я была влюблена в Франсуа, я ждала от него ребенка, я ссорилась и мирилась с ним, а иногда была даже счастлива. Теперь его везли на гильотину, а рядом с ним не было никого. Даже его матери.

– В чем он виновен? – машинально спросила я у «вязальщицы».

– Кто? Вот тот, брюнет?

– Да.

– Проиграл бой англичанам, подонок! Туда ему и дорога!

Проиграл бой. Разумеется, офицеры Республики должны только побеждать. У меня засосало под ложечкой. Видит Бог, я не любила Франсуа и испытывала к нему неприязнь, но мне меньше всего хотелось, чтобы он был казнен. И как странно снова осознать, что он мой муж. Перед Богом, по крайней мере. Никогда не думала, что так легко стану вдовой.

Я дошла до самой площади Революции и видела казнь всех приговоренных. Видела, как вошел на эшафот Франсуа и как палач Сансон показывал его голову толпе. Меня охватила

тоска. Тяжело дыша, я побежала прочь, спрашивая себя, зачем мне нужно было идти на площадь.

– Я снова стала вдовой, – сообщила я Изабелле.

– Не грустите! – заявила она. – Он заслуживал этого.

«Да, – подумала я. – О чем он думал тогда, когда начинал все это?»

– Мне немного жаль, – проговорила я тихо.

– По крайней мере, умер он с достоинством? – спросила Изабелла.

Я нерешительно качнула головой.

– Имел он мужество умереть или нет? Чаще всего эти революционеры горазды посылают на гильотину других, а когда дело доходит до них самих...

– Не знаю, – проговорила я. – Мне показалось, он ничего не чувствовал. Вероятно, он умер еще до того, как его обезглавили.

Я сидела, подавленная произошедшим. Как все это странно. Сама революция освободила меня от мужа. И я никогда уже не выйду замуж.

– Изабелла, а ваш... ваш любовник?

– Что?

– Я причинила ему столько неприятностей. Он уехал?

Она тяжело вздохнула. Я поняла, что потеря этого мужчины действительно для нее большая беда.

– Он еще не уехал, но уедет. Я не виню вас, Сюзанна, я знаю, в каком вы были тогда состоянии. Но Александру теперь придется туго. Именно его разыскивают за убийство. Он уедет, даже не успев закончить своих дел.

– Мне очень жаль, – прошептала я.

– Мне тоже.

Через силу улыбнувшись, она добавила:

– А знаете, он просил передать вам его восхищение.

– Восхищение?

– Да. Ваш поступок пришелся ему по душе. Если бы только не эта монограмма... Там очень ясно было выгравировано его имя: Александр дю Шатлэ.

– Вы выбрали себе в любовники представителя одного из самых знатных семейств, – произнесла я со слабой улыбкой.

– Пожалуйста, простите меня, Изабелла.

– Ничего. Я все понимаю. Но до любви ли сейчас? Я каждую минуту чувствую, как кольцо вокруг нас все сужается.

Был хмурый зимний вечер, комнату все сильнее заполнял холод. Мы сидели в полумраке, и в голове у нас были одни и те же мрачные мысли. Круг сужается. Я тоже чувствовала это. Нам наверняка не миновать тюрьмы и площади Революции.

Не знаю, почему мне вдруг вспомнился мельник папаша Бретвиль. Я поклялась ему на распятии, но до сих пор не исполнила своего обещания и не разыскала его дочь... Если уж дороге, по которой мы идем, действительно суждено привести нас в тюрьму и на гильотину, то будет лучше, если я выполню все свои обещания.

Какой сюрприз меня ожидал – этого я даже не предвидела.

2

Сияло солнце. Старые каштаны, посаженные вдоль улицы де Ла Гарп, были серебряными от инея. Несмотря на легкий мороз, погода казалась мне превосходной. Забежавшая вперед Аврора стукнула каблуком башмака по тонкому льду, покрывавшему большую лужу, и, глядя на выступившую воду, со смехом отскочила.

Я улыбнулась. В свои одиннадцать лет Аврора оставалась ребенком и, хотя и старалась иногда походить на взрослую девушку, ее поступки зачастую были по-детски шаловливы и безрассудны. Впрочем, что тут удивительного? И у меня впервые за долгое время на душе было легко и спокойно. Мне было беспричинно весело, и, слушая шедшую рядом Изабеллу, пересказывавшую мне последние издевательские сплетни о Конвенте и Робеспьере, я часто до слез хохотала над тем, что в нормальном состоянии не вызвало бы у меня даже улыбки.

Было воскресенье, день святого Антония – по-старому, конечно. Выходной мы решили провести вместе, отдыхая и развлекаясь, разумеется, после того, как я выполню обещание, данное папаше Бретвилью.

Это следовало бы сделать раньше, но у меня просто не было времени даже подумать об этом. Едва оправившись от болезни, я вернулась в пекарню, а по вечерам у меня уже не было сил идти куда-либо. Вспомнив, как старик дал мне три луидора, чтобы мы могли сесть в дилижанс и побыстрее известить о случившемся его дочь, я почувствовала, что краснею. Папаша Бретвиль сидит в тюрьме в полной уверенности, что Каролина присматривает за сестрой. А между тем по прошествии стольких дней она еще даже не знает о постигшем ее горе, о том, что ее семье нужна помощь.

– Э-э, Сюзанна, мы пришли. – Изабелла придержала меня за локоть, когда я в задумчивости хотела пройти мимо нужного дома. – Улица де Ла Гарп, двадцать пять. Мы подождем вас. Надеюсь, вы не станете болтать с этой Каролиной целый день?

Я вошла в дом. Внутри царил полумрак, пахло тушеной бараниной и горячей сдобой – мне стало плохо от этих запахов. Маленькая старушка в башмаках на босу ногу, выглянувшая из кухни с ножом в руке, вопросительно посмотрела на меня.

– Я бы хотела повидаться с гражданкой Каролиной Бретвиль. Вы не подскажете, где ее можно найти?

Я умышленно избегала обращения на «ты». По опыту мне было известно, что пожилые люди более любезны с теми, кто придерживается старой манеры в обращениях.

– Откуда же мне знать, где бродит эта шлюха! – с неприкрытой неприязнью бросила старуха. – Может, в Пале-Рояль, а может, в своем театре. Здесь она не показывается уже которую неделю. Еще когда мальчонка был, то хоть иногда забегала, а как отдала его чужим людям, то и наведываться забыла. Дрянь она! Потаскуха и дрянь! Даже сына не пожалела. И вам, гражданка, грешно с такой женщиной водиться.

Я слушала все это, мало что понимая.

– Вы говорили, что Каролину можно найти в театре. Она что, актриса?

Старуха скорчила презрительную гримасу, которая отнюдь ее не украсила.

– Да так, актрисенка! Поддай-принеси. Показывается изредка на сцене, но главных ролей ей не дают. Да и как дать, когда она говорить не может, только сипит!

Не слишком вежливо прервав болтливую старуху, я попыталась направить разговор в нужное мне русло:

– Не знаете ли вы, в каком театре работает Каролина?

– Да мне ли этого не знать! В Народном, в том, что недавно закрывали. Всех актеров похватили да в тюрьму отправили, а она, стало быть, выкрутилась.

Она потянула носом воздух и опрометью бросилась на кухню.

– Прощайте, голубушка! У меня мясо горит.

Недоумевающая, я даже не попрощавшись вышла на улицу.

После душного полумрака солнечный свет морозного ясного утра показался мне особенно ярким.

– Мама, мама, мы теперь идем на площадь Революции смотреть Скарамуша? – весело крикнула подбежавшая Аврора.

Мне стало тошно при одной мысли о том, что я пойду на эту страшную площадь, но я сдержала себя. Аврора раскраснелась и выглядела такой счастливой.

– Ну, так мы идем или нет? – настойчиво повторила Аврора.

– Пойдем, но чуть позже. Зайдем сначала в театр, хорошо? Изабелла настороженно посмотрела на меня.

– Что-то случилось?

– Нет. Но Каролину нельзя застать дома. Она, оказывается, актриса. Мне наговорили о ней кучу не очень лестных вещей.

Изабелла, жившая в последние дни постоянным предчувствием несчастья, облегченно вздохнула.

– Дорогая моя, я не совсем понимаю мотивы, заставляющие нас разыскивать эту особу по всему городу.

– Но вы пойдете со мной, Изабелла, не так ли?

– Так.

– Ага! – вмешалась Аврора, беря меня за руку. – А после мы непременно пойдем смотреть Скарамуша, правда?

Первое, что мы услышала, войдя в «Комеди Франсез», а ныне Народный театр, – это тихое женское пение и звуки виолончели, доносившиеся откуда-то из глубины здания. И растерянно оглянулась по сторонам. В этом месте я не бывала уже несколько лет, да и вообще я знала здесь только зал.

Из бокового коридора выбежал мужчина, наряженный в римскую тогу. Мы уставились на него во все глаза. Не обращая на нас внимания, он направился к широкой мраморной лестнице.

– Гражданин! – окликнула я его. – Постойте, гражданин! Мужчина обернулся и недовольно посмотрел на меня.

– Скажите мне, где я могу найти Каролину Бретвиль? У меня к ней срочное дело.

Незнакомец произнес очень быстро, почти скороговоркой:

– Она в гримерной. Третий этаж, вторая комната налево, поднимитесь туда черным ходом.

Повернувшись к нам спиной, актер побежал по лестнице вверх.

– Эй, а где находится этот черный ход? – крикнула ему вдогонку Изабелла.

– Прямо по коридору, потом направо. Сами увидите.

Поднявшись по узкой, давно неметенной лестнице, мы вошли в длинный коридор с низким потолком и грязными серыми стенами. Здесь ужасно пахло дешевыми духами.

Я настойчиво постучала в указанную актером дверь и, не дожидаясь ответа, толкнула ее. Передо мной открылась маленькая, тесная комнатка.

Рыжеволосая женщина, сидевшая перед зеркалом с кисточкой для помады в руке, недовольно повернула голову в нашу сторону. Она вовсе не была красива, черты ее лица казались грубыми, как у крестьянки. Румянец на щеках был явно фальшивый. Она была моего возраста, но годы уже оставили на ее лице след в виде мелких морщинок у накрашенных глаз.

У нее был посетитель – мужчина в красном фригийском колпаке и распахнутой на груди карманьоле. Небрежно раскинувшись в глубоком кресле, он не обращал на нас внимания, полагая, вероятно, что мы – восторженные поклонницы таланта гражданки Бретвиль.

– Мне нужно поговорить с вами, – обратилась я к женщине, прерывая затянувшуюся паузу.

– Ну, – ответила она оборачиваясь.

На какой-то миг ее лицо исказила странная гримаса, в глазах сверкнула искра удивления и злости. Я вздрогнула. Может, мы уже где-то встречались? В том, как она меня разглядывала, было что-то подозрительное.

– Я должна передать тебе поручение отца. Он...

– Как, этого мерзавца еще не гильотинировали? – перебила меня Каролина.

Она вскочила с места и, подойдя к мужчине, схватила его за плечо.

– Нет, Жак, ты только послушай. Негодяй смеет обращаться ко мне с поручением, и это после того, что он сделал со мной!

Мужчина, которого назвали Жаком, молча пожал плечами и уставился в потолок, дав понять Каролине, что это его нисколько не интересует.

Я, признаться, уже не надеялась, что Каролина выполнит просьбу отца и позаботится о своей сестре. Видимо, отношения между ними были хуже, чем я представляла. Но, в конце концов, какое мне до этого дело.

– Он простил вас, Каролина, – как можно мягче сказала я, надеясь, что отец все-таки что-то еще значит для этой девицы, несмотря на ту неприязнь, которую она к нему выказала.

– Простил! Ах, простил! – вскричала Каролина. – Это надо же! Подлец, какой подлец!

В ярости выкрикивая ругательства, она не заметила, как впиалась ногтями в голое плечо своего Жака. Вскрикнув, он сильно ударил ее по руке и, чертыхаясь, пересел на подоконник. Каролина и не думала оставлять своего приятеля в покое. Наклонившись, она принялась что-то шептать ему на ухо.

– Да ну? – сказал он, выслушав ее.

Сдвинув колпак набок, он в упор уставился на меня, ежеминутно ухмыляясь. Изабелла дернула меня за руку.

– Что это еще за спектакль, Сюзанна? – прошептала она.

Сжав зубы, я перевела взгляд на Каролину. Я ничего не понимала, и мне с каждой секундой все больше хотелось прекратить этот визит и убраться отсюда.

– Твой отец в тюрьме. Он просит тебя приехать позаботиться о нем. Это все, что я хотела тебе сказать.

Повернувшись, я направилась к двери. Каролина подалась вперед, схватила меня за руку.

– При чем здесь мой отец, принцесса, речь ведь шла о твоём папаше!

Я остановилась. Мне показалось, что я окончательно потеряла всякое понимание этого разговора. А эта Каролина – она что, сошла с ума?

– Какое же, по-вашему, отношение может иметь мой отец к этому делу? – спросила я как можно спокойнее.

Ситуация становилась все более нелепой. Интересно, что она выкинет, эта Каролина? И тут, оглянувшись на Изабеллу, я увидела, что лицо ее стало белым, как мел. Должно быть, что-то случилось. «Принцесса... Принцесса!» – эхом раздался в моих ушах голос Каролины. Кровь отхлынула от моих щек. Она назвала меня принцессой, я это сама слышала. Но это невозможно! Откуда ей знать, кто я! Может быть, она просто так это сболтнула?

– Почему ты называешь меня принцессой, гражданка? – Мой голос, к моему собственному удивлению, прозвучал ровно.

Каролина расхохоталась – прямо загоготала, подумала я.

– И как это ваше сиятельство не сломали язык, произнося слово «гражданка»!

Рука Авроры напряглась в моей ладони.

– Пойдем отсюда, мама! Эта тетка сумасшедшая!

– Тетка?! – взревела Каролина. – Какая я тебе тетка, дрянь! Это ваша дочь, принцесса де ла Тремуиль? Вряд ли, она слишком большая для вас, вы ведь моего возраста, правда? Впрочем, дочь она вам или не дочь, это не важно. Она привязана к вам. Никак нельзя разлучить такие любящие сердца! Не беспокойтесь, в тюрьме вас устроят вместе!

Ее хриплый резкий голос звучал с такой ненавистью, что мне стало не по себе. Мы наверняка уже встречались с этой фурией. Нельзя испытывать такую ненависть к незнакомому человеку. Но... но я никак не могла понять, кто передо мной.

– За что же ты так ненавидишь меня?

– А ты не помнишь меня, принцесса? Конечно, где уж тебе запомнить всех бедных девушек, которых опозорил твой отец!

Я молча глядела на нее. Даже догадки не возникло у меня в голове.

– Ты это правильно подметила – я ненавижу тебя, всю твою семейку. Ненавижу за то, что твой отец сделал со мной. Он воспользовался мной и бросил, дал какую-то жалкую подачку, хотел после всего позора выдать меня замуж за вонючего фермера! А я тогда уже отвыкла от фермеров. Да если бы не ты, мой сын получил бы все – и имя и деньги... Я знаю, он признал бы моего ребенка, если бы у него не было тебя!

Она продолжала говорить, взмахивая рукой и откидывая назад голову, словно произносила монолог о бесчинствах тиранов. Я уже не слушала ее. Я поняла. И вспомнила.

Вспомнила Сент-Элуа, утопающий в зелени парка, и молоденькую бретоночку, стыдливо выпархивающую из спальни моего отца. За то лето она насобирала столько золотых монет, что, по бретонскому обычаю, сделала из них ожерелье. Золото она и тогда любила... Но неужели оно ослепило ее настолько, что заставило поверить, будто отец признал бы ее сына своим?!

Черт побери, да разве можно было бы даже представить моего отца с этой рыжей вульгарной бабой?!

– Я видела объявление о твоём розыске. За тебя мне отваяют десять тысяч ливров, и они пойдут на воспитание моего сына добрым патриотом. К сожалению, в нём течёт и гнилая кровь вашего папочки. Он тоже жертва тирании, но при хорошем воспитании может вырасти достойным гражданином Республики!

Я рывком распахнула дверь, желая поскорее оставить Каролину Бретвиль наедине с её страданиями.

– Ну уж нет, на этот раз тебе не уйти, принцесса! Да скорее подо мной земля провалится! Эй, граждане! Сюда! Держите принцессу де ла Тремуиль!

Её сожитель, доселе молча наблюдавший за происходящим, рванулся ко мне, схватил за плечи, грубо втаскивая назад в комнату. Изабелла же оказалась позади него, её чёрные глаза сверкнули бешеным блеском. Молниеносным движением схватив с комода тяжёлую гипсовую статуэтку, она обрушила её на голову санкюлота.

– Скорее! – крикнула она нам с Авророй. – У нас мало времени.

В лихорадочной спешке, путаясь в многочисленных коридорах, мы добрались до главного выхода и выбежали на площадь перед «Комеди Франсез». Там мы перешли на шаг. Ещё немного и, смешавшись с толпой, мы будем в безопасности.

– Держите их, держите опасную заговорщицу, принцессу де ла Тремуиль, её дочь и сообщницу! Держите роялисток! Только что они пытались убить верного сына Республики. Не дайте им уйти!

Я оглянулась. Полуголая, Каролина бежала за нами и отчаянно кричала, вкладывая в крик всю мощь своих лёгких. Она указывала на нас пальцем, и люди вокруг стали останавливаться.

Кто-то схватил меня за шаль, потянул за руку. Я рванулась, отчаянно пытаюсь освободиться, но подсознательно понимая, что всё уже кончено. Меня потянули назад, вцепились в волосы. Всюду слышались ругательства и угрозы. Что-то пыталась говорить Изабелла, но её

заставили замолчать. В довершение всего какой-то идиот в припадке патриотического усердия ударил меня в грудь.

Бежать было некуда. Вокруг нас сомкнулась толпа.

3

Под конвоем бдительных патриотов и зевак нас отвели в секцию Пале-Рояль, получившую новое название Бютт-де-Мулен. Там, в народном комитете, какой-то чахоточный чиновник принялся нас допрашивать. Гражданка Бретвиль, чтобы не дать мне солгать, снова громко назвала мое имя, а когда я стала протестовать, на мои протесты никто не обратил внимания. Изабелла, к моему удивлению, назвала свое настоящее имя.

– В Люксембургскую тюрьму, – скомандовал чиновник. – Но послушайте, – начала я, – может, вы отпустите девочку? Она еще ребенок.

Аврора стояла, прижавшись ко мне, и я, честно говоря, чувствовала, что ей не хочется уходить и оставаться одной. Но я слишком хорошо понимала, что нам грозит, чтобы согласиться с ее мнением.

– Ей уже есть двенадцать? – осведомился чиновник.

– Нет, только одиннадцать.

– Это все равно. Она будет отвечать, как взрослая.

– Но ей еще нет двенадцати! – вскричала я в отчаянии.

– Таков порядок. Тащите этих преступниц в Люксембург! А гражданка Каролина Бретвиль получила свои честно заработанные сто су за донос.

В Люксембургской тюрьме привратник отказался принять нас, заявив, что у него больше нет мест, и посоветовал отправиться в тюрьму Шантийи. Гвардейцы повели нас туда. В этой тюрьме еще были свободные места. Нас ввели в канцелярию за стеклянной перегородкой, усадили на ободранную деревянную скамью и оставили дожидаться канцеляриста, который должен был занести наши имена в реестр.

Шантийи совсем недавно еще был прелестным дворцом, принадлежавшим принцу Конде, и я с острой болью в груди вспомнила, как однажды приезжала сюда на бал и балет Доберваля. Меня охватило такое отчаяние, что я порывисто повернулась к Изабелле, сразу оказавшись в ее объятиях, и замерла, вздрагивая от безудержных рыданий.

– Это конец! – прошептала я сквозь слезы. – Я знаю, нам отсюда не выйти.

Она молчала, глядя мои плечи, не произнося ни слова в утешение. Да разве можно было сейчас утешиться?

– Они забрали даже Аврору, этого ребенка!

Я взглянула на девочку. Она сидела испуганная, сжавшаяся, но не плакала. Впрочем, что она понимает! И какое счастье для нее, что она не осознает полностью того, что случилось. Вытерев ладонью слезы, я привлекла ее к себе, горячо и страстно обняла. Она одна осталась у меня... Вероятно, я больше уже не буду иметь радости повидать Жанно.

– Помните, моя милая Сюзанна, – медленно проговорила Изабелла, – главное – это чтобы о нас забыли. Нынче так много узников, что в их массе очень легко затеряться. Только это может быть нашим спасением.

Явившийся канцелярист сразу развернул журнал со списками заключенных и прочел протокол, составленный чиновником секции Бютт-де-Мулен.

– Гражданки Тремуйль, Шатенуа – так?

Я кивнула, ибо уже не видела смысла отрицать свое имя. На это все равно никто не обратил бы внимания.

– Как фамилия этой девицы, именуемой Авророй?

– Такая же, как у меня, – проговорила я.

Что я еще могла придумать? Я ведь тоже не знала, какова фамилия у Авроры.

Теперь мне было слегка стыдно за то, что я плакала и что канцелярист может об этом догадаться. Нельзя показывать им свои слезы, никогда и ни по какому поводу... Если у меня отобрали все, отберут даже жизнь, я по крайней мере должна остаться аристократкой. Стоит брать пример с Изабеллы. Она была бледна, но холодна и спокойна. Можно было даже сказать, что она окаменела. Даже голос ее звучал без всякого выражения.

– Уведите их!

Нас отвели в какое-то совершенно ужасное подземелье, холодное и жуткое, где мы, чтобы не спать на полу, загаженном испражнениями, получили по клочку соломы. В первые минуты кошмарные невыносимые запахи так нахлынули на меня, что я стала задыхаться. Прошло немало времени, пока мы привыкли к такой вони. Повсюду копошились насекомые. А ведь я знала, что наверху есть совсем другие камеры, более чистые и светлые. Здесь совсем не было света, и даже нельзя будет определить, день или ночь на дворе.

– Я хочу есть, – прошептала Аврора.

Я не могла ответить на это иначе, кроме как обняв ее.

– У нас заведутся и вши, и блохи, – продолжала она, – если мы будем сидеть здесь.

– Дорогая моя, видит Бог, ты здесь не по моей воле.

Кроме нас, тут было еще несколько заключенных – две женщины-воровки и фальшивомонетчик. Таким образом, нас посадили с уголовниками. Они сразу поняли, что мы «политические», то есть те люди, все преступление которых заключается в мыслях, словах или происхождении, и не вступали с нами в разговоры – то ли из равнодушия, то ли из боязни, что им припишут сочувствие к нам и ужесточат наказание.

Очень медленно шло время; несколько раз от зловонной атмосферы, царившей в подземелье, я была на грани обморока. Но еще больнее было представлять, что вверху, над нами, – шумная оживленная улица, полная хорошеньких торговков духами и пудрой. Вечером или ночью – этого нельзя было понять – нам принесли еду: чечевичную жидкую похлебку и соленую рыбу. Еще не имея тюремного опыта, мы наелись этой дрянью, а потом мучились от страшной жажды, которую нечем было утолить.

Прошел день, или два, или три – определить это в полной темноте было невозможно. Мы либо спали, и сон этот был очень похож на обморок, либо просто сидели, уставившись во мрак, изредка разговаривали. Всем нам было ясно, что в этой камере мы превратимся в животных. Без воды, без мыла, в ужасной грязи... Я тогда еще была новичком и не знала, как сделать так, чтобы нас перевели в другое место. Достаточно было платить тюремщику су в день, чтобы он сделал это. Но мы о том, что это возможно, даже понятия не имели и не пытались улучшить свое положение. Я вспомнила слова Изабеллы: делать так, чтобы о нас забыли, – и горько усмехнулась. Пожалуй, лучше быть гильотинированной, чем всю жизнь просидеть в этом жутком месте... Я чувствовала, что терпения у меня ненадолго хватит. Иногда желание увидеть простой дневной свет становилось столь невыносимым, что хотелось либо закричать, либо повеситься. Не было сил сидеть здесь и сознавать, в какую грязь мы погружаемся.

Но однажды дверь темницы распахнулась, и вошедший тюремщик громко произнес:

– Гражданка Тремуйль, к следователю!

Я машинально поднялась, не понимая полностью, в чем дело, но сознавая, что на какое-то время выйду отсюда.

– Надеюсь, вас сюда уже не вернут, – прошептала Изабелла.

Я не ответила. В руках у тюремщика был фонарь, и я пошла на свет фонаря, как загипнотизированная.

Уже в коридоре я поняла, что сейчас вечер.

– Какое сегодня число? – спросила я у тюремщика.

– Двадцать четвертое нивоза, – мрачно буркнул он, нарочно выразившись так для того, чтобы я не поняла.

Но я не была полной невеждой в этих новых республиканских календарях и летосчислениях. Загибая пальцы, я стала высчитывать, и у меня приблизительно вышло, что нынче 18 января. Да, вероятно, это так. Три дня прошло со времени нашего ареста. Три ужасных дня я провела в этом зловонном подземелье.

Покачиваясь, я пошла за тюремщиком. Голова у меня немного кружилась: воздух в коридоре казался слишком свежим и чистым по сравнению с тем, каким я дышала в камере. Чтобы поторопить меня, тюремщик все время оборачивался и махал рукой, звеня ключами.

– Гражданка Сюзанна Тремуйль! – объявил он, приоткрывая дверь.

Это была та самая канцелярия, отделенная от остального помещения стеклянной перегородкой, только теперь за столом сидел не канцелярист, а человек в поношенном сюртуке и трехцветной республиканской перевязи, с волосами, по-спартански просто остриженными в кружок.

– Прошу садиться, – сказал он мне довольно вежливо.

Я села. Следователь не произнес больше ни слова, пока тюремщик не ушел.

– Моя фамилия Фруадюр, гражданка. Мне поручено разобраться в вашем деле.

Я устало пожала плечами. Честно говоря, я не думала, что нынче власти обременяют себя ведением дел. Но, может быть, мой случай кажется им особо важным. Несомненно, он будет спрашивать меня о Батце... Я еще не решила, как себя поведу. Я была слишком измотана, чтобы решать. И лишь мельком отметила, что следователь обращается ко мне на «вы», вопреки декрету Конвента.

– Расскажите мне все, гражданка. Все по порядку.

– Что именно?

– Историю вашего ареста.

Тихо, бесцветным голосом я пересказала ему скандал, случившийся в Народном театре, и назвала имя Каролины Бретвиль. Фруадюр слушал, не прерывая, но ничего не записывал; мне даже на миг показалось, что он верит мне. Или, что еще удивительнее, сочувствует. Впрочем, это, вероятно, мои иллюзии. В сущности, мне было безразлично, как он относится к моим словам.

– И вы утверждаете, гражданка, что не знакомы с Каролиной Бретвиль?

– Я вчера увидела ее впервые.

– Но она клянется, что вы – дочь того человека, который ее соблазнил, дочь аристократа.

Вы действительно Сюзанна де ла Тремуйль?

– Да, – сказала я, не видя смысла отрицать это.

– Ваш отец действительно имел какие-либо отношения с гражданкой Бретвиль?

Я сжала губы. Меньше всего мне хотелось, чтобы какие-то люди лезли в жизнь нашей семьи, касались того, чего им не следовало касаться.

– Мне ничего не известно об этом, – произнесла я сухо.

– Бретвиль утверждает, что у нее есть ребенок и...

– Повторяю, мне ничего об этом не известно, – сказала я резко.

Фруадюр откинулся на спинку кресла, сжимая в руке перо.

– Напомню вам, гражданка, что осветить данные обстоятельства – в ваших же интересах.

– Сударь, – прервала я его, – не всегда должно руководствоваться собственными интересами.

Чего он хотел? Чтобы я рассказала ему об отце, о том, как эта девица служила у нас в Сент-Элуа и пользовалась благосклонностью принца – благосклонностью, которая, впрочем, не давала ей никаких надежд, а тем более прав? Если уж на то пошло, то это даже меня не касалось, а следователя тем более. Я бы скорее умерла, чем стала говорить об этом.

Фруадюр уже не смотрел на меня. Склонившись над бумагами, он что-то торопливо вычеркивал, замарывал, ставил кляксы, словно хотел какую-то надпись сделать навеки непро-

читываемой. Я равнодушно глядела на него. Мне хотелось лишь подольше побыть в канцелярии, относительно чистой и светлой. Остальное меня не волновало.

– Я обрадую вас, гражданка, – сказал он, поднимая голову.

– Да? – спросила я без всякого выражения.

– Я отпущу вас на свободу.

Я не сразу поняла смысл услышанного. Но мало-помалу я осознала эти слова, и искра заинтересованности вспыхнула у меня в глазах. Я взглянула на Фруадюра внимательнее и настроеннее. Надо было быть начеку. Может быть, это лопушка?

– Вы меня отпустите? – произнесла я медленно.

– Сию же минуту. Возьмите бумагу!

Я взяла бумагу, которую он мне протягивал. Меня охватило некоторое замешательство. Как понять то, что происходит?

– Ступайте! Вы свободны.

Я взглянула на бумагу, которую только что получила, – это было временное свидетельство о благонадежности, выписанное на двадцать дней и заверенное нужными подписями. Вероятно, Фруадюр имеет у себя уже подписанные пустые бланки.

– Я свободна?

– Совершенно.

– Но... как же это понять?

Он почесал пером у себя за ухом и усмехнулся.

– Я убедился, гражданка, что за вами нет никакой вины. Ведь происхождение не может вменяться в преступление, не так ли?

Все это было так, но... Я еще раз настороженно взглянула на следователя. Неужели он такой честный и порядочный? Нет, что-то тут не так.

– Если вы считаете, что я невиновна, то так же невиновны и мои спутницы, арестованные только за то, что были рядом со мной.

– О, – произнес Фруадюр, – возможно, это и так, но чтобы убедиться в этом, я должен сначала допросить их.

– Когда же вы это сделаете? – осведомилась я.

– Может быть, завтра, а может быть, через неделю. У меня полно работы, – произнес следователь, меняясь в лице.

– Но в Шанттии со мной была посажена маленькая девочка, ей всего одиннадцать лет! Умоляю вас, отпустите ее со мной.

– Я очень занят, – сухо прервал он меня, и тон у него был ледяной.

Я задумалась. Несомненно, что-то тут не так. Тут кроется какой-то подвох, интрига. Меня просто хотят выпихнуть на улицу! Но зачем? Этого я не понимала.

– Сударь, – сказала я медленно, – в таком случае, я прошу вас оставить меня в Шанттии до тех пор, пока вы не решите отпустить нас троих.

– Это невозможно.

– Но я не уйду без них! – вскричала я гневно.

– Если вы не уйдете, вас призовут к порядку и выведут.

– Силой?!

– Да, силой.

Он говорил решительно, но я почувствовала, что он чего-то боится. Возможно, того, что я устрою скандал? Безусловно, отпуская меня, он совершал преступление перед Республикой. Но как же, черт возьми, все это понять?

Нахмутив брови, я лихорадочно размышляла. Фруадюр наверняка не согласится вернуть меня в камеру, раз уж он так настаивает на моем освобождении. Вероятно, я снова оказываюсь в поле действия какого-то заговора. Но что же мне остается, кроме как плыть по течению? Я

должна подчиняться. Возможно, на свободе положение прояснится и я смогу помочь Авроре и Изабелле.

– Умоляю вас, – проговорила я, – обещайте мне хотя бы перевести их в другое место.

– Что вы имеете в виду?

– Не оставляйте их в том ужасном подвале!

Фруадюр криво улыбнулся.

– Хорошо. Я поговорю с начальником тюрьмы, обещаю вам.

Я взяла бумагу и быстро пошла к выходу.

4

Итак, то, что я считала несбыточным чудом, сбылось: я оказалась на свободе. Выйдя за пределы Шантйи, я жадно вдохнула холодный январский воздух, наслаждаясь каждой клеточкой тела тем, что живу и могу дышать. Видит Бог, иногда возможность делать это приобретает необыкновенную ценность.

Правда, свобода эта была половинчатой. Изабелла и Аврора оставались в тюрьме. Фруадюр обещал их выпустить, но это его обещание показалось мне пустой фразой. Без сомнения, следователь на кого-то работает. Не может быть, чтобы он выпустил меня по собственному желанию, да еще и снабдил таким документом...

В тусклом свете фонаря я еще раз рассмотрела свидетельство. Впервые такая бумага была у меня в руках – бумага, дающая спокойствие, уверенность, защиту от ареста. Теперь мне наплевать даже на патрули. Они не посмеют задержать меня, увидев этот документ. Но, честно говоря, я ненавидела эту бумажку уже за то, что нуждалась в ней, за то, что лишь при ее наличии я имею право считаться человеком.

Мне бросилась в глаза знакомая подпись: Эро де Сешель. Это был друг Дантона, аристократ, переметнувшийся к революционерам, член Комитета общественного спасения. Я усмехнулась. Не сладко бы пришлось красавцу Эро, если бы кто-то узнал, что тот подписал свидетельство, выданное роялистке.

Услышав позади себя легкие шаги, я обернулась, поспешно пряча бумагу. Время было позднее, и у меня были все основания опасаться преступников или маньяков. Но я увидела рядом женщину. Стройная, высокая, она была одета по моде Старого порядка в пышное с фижмами платье, подбитый мехом короткий плащ. Я не могла разглядеть ее лица, но поняла, что она молода. Ну, может быть, ей лет тридцать.

– Мадам де ла Тремуйль? – раздался певучий голос.

Я не очень-то и удивилась. Внутренне я все время была напряжена, ожидая, что же произойдет. Я давно поняла, что мое освобождение не случайно.

– Вы угадали, – сказала я медленно.

– Мне было поручено встретить вас, принцесса.

Она говорила с ясно выраженным английским акцентом.

– Кто вы? – спросила я прямо.

– Леди Шарлотта Аткинс, к вашим услугам, принцесса.

Она протянула мне руку.

– Пойдемте, мадам. Нас ждет карета.

Я была как во сне, ощущая, как какая-то паутина сплетается вокруг меня. Больше всего на свете мне хотелось бы обрести ясность. Но я дала себе слово быть терпеливой, и я сдержу его.

Мы сели в карету, дама приказала кучеру трогать.

– Вы заговорщица? – осведомилась я прямо.

– Да, и причем профессиональная, – отвечала она со смехом. – Любовь к риску – это моя главная слабость.

Я никак не могла сказать того же о себе. Я не любила риск, интриги, заговоры и бесконечные опасности. Мне не нравилось строить ловушки или выбираться из них. Я хотела лишь одного: чтобы меня оставили в покое. Но, поразмыслив, я не стала объяснять это леди Шарлотте.

– Куда вы меня везете?

– В один хорошенький домик, где вы сможете прийти в себя, отдохнуть и успокоиться.

– Перед чем?

– Что вы сказали?

– Перед чем, говорю я вам, успокоиться?

Англичанка улыбнулась.

– Перед встречей со старым другом, разумеется!

– Вот как! – сказала я, мрачней все больше. – Несомненно, это старый друг вызволил меня из Шантийи?

– Да, принцесса, уверяю вас. Он сделал бы это еще быстрее, но лишь вчера узнал о вашем аресте. Он ждал этого.

– Моего ареста?

– Да. Вы были нужны ему.

– Как мило с его стороны, – пробормотала я.

Услышав такое, можно было предположить, что и то объявление Коммуны о моем розыске с наградой в 10 тысяч ливров золотом – тоже дело рук «старого друга». Я была нужна ему! И он не имел другого способа обнаружить меня! Сжав зубы, я сказала себе, что догадываюсь, о ком идет речь. Только Батц способен на такое – человек, с которым я хочу встретиться меньше всего!

Скрывая гнев, я выглянула в окно. Мне не сразу удалось определить, где мы находимся. Темная маленькая карета англичанки мчалась по пустынным улицам с быстротой молнии. Чуть позже я поняла, что рядом протекает Сена, а мы, вероятно, оказались где-то возле того моста, где раньше был Нельский паром. Карета остановилась у одного из домов улицы Сент-Андре-дез-Ар. Теперь я окончательно узнала ее, одну из старинных улиц Парижа с древними домами под остроконечными крышами.

Англичанка отперла ключом дверь и пригласила меня:

– Входите, принцесса!

Мы оказались в помещении, больше похожем на контору. Мебель здесь была из черного дуба и такая странная, что я отнесла ее к XV веку. Я увидела над дверью звонок и табличку с надписью:

«Ганс Мюллер, часовщик из Швейцарии».

– Это наша конспиративная квартира, – пояснила леди Шарлотта. – Одна из многих. Здесь вы найдете все, что вам нужно, и вас никто не тронет.

– Но есть ли у этого дома хозяин?

– Вы же сами видите. Он принадлежит часовщику Мюллеру.

– Надеюсь, – сказала я, – я не покажусь вам слишком любопытной, если спрошу, что со мной намерены делать.

Леди Шарлотта, сняв шляпу, поправляла волосы перед зеркалом. Она не была красива, но держалась с врожденным изяществом. Я мрачно подумала, что наверняка у нее нет детей. Иначе бы она не вмешивалась во всякие авантюры.

– Увы, принцесса, я сама этого не знаю. Возможно, наш старый друг решил использовать вас в одной из ветвей заговора. Но мы с вами явно пойдем в разные стороны. Мне поручена левая ветвь, ну, а вам... – она улыбнулась, – вам, вероятно, правая.

Я не поняла ничего из этой речи, кроме слова «заговор».

– Вы возьмете на себя Дантона, принцесса! – воскликнула англичанка, снова надевая шляпу.

– Вы уходите? – спросила я.

– Да. Я оставлю вам ключ.

– И когда же явится этот наш общий друг? – спросила я едко.

– Он непредсказуем, принцесса. Ждите.

Она ушла. Я заперла за ней дверь на замок и остановилась в замешательстве. Что делать, если сюда постучится полиция? Я даже не смогу объяснить, почему нахожусь в этом доме.

«Вы возьмете на себя Дантона»... О, теперь я поняла, почему Аврора и Изабелла остались в тюрьме. Меня будут шантажировать этим, разумеется. И делать это будет Жан де Батц, таинственный и неуловимый заговорщик, за которым безуспешно гоняются все полицейские агенты Республики.

Я не желала сейчас думать об этом. Я хотела заняться собой. В буфете я нашла еще не остывший ужин: миска супа, половина жареного цыпленка, чашка взбитого яичного крема и бутылка с йонским вином. У меня все поплыло перед глазами. Пожалуй, уже полгода я не видела ничего подобного. Несмотря на свое неясное положение, я ужинала с огромным наслаждением. В конце концов, неизвестно, не в последний ли это раз.

У камина был огромный мешок с углем, и я щедро – не хватало мне еще жалеть добро Батца! – высыпала его содержимое в камин и развела жаркий огонь. В доме было прохладно, и я какое-то время согревалась, подставив руки к пламени. Мало-помалу огонь начал обжигать меня. Тогда я встала и отправилась на поиски посуды.

Мне удалось найти в кладовке лохань и кусок душистого мыла. С большим чувством, предвкушая удовольствие, я нагрела очень много воды и тщательно вымылась, не отказав себе в удовольствии немного понежиться в воде. Затем, завернувшись во взятую с постели простыню, я выстирала всю свою одежду и развесила ее сушиться прямо в доме.

Перед зеркалом я долго расчесывала чистые и мягкие золотистые волосы, пока они не стали искриться, едва я до них дотрагивалась. Я долго смотрела на свое отражение и оценивала его. От тепла и горячей ванны кожа приобрела розовый нежный оттенок и словно светилась изнутри. Длинные ресницы отбрасывали стрелчатую тень на щеки, в огромных черных глазах снова появилась та янтарная золотинка, которую кавалеры раньше называли золотым солнцем, спрятанным в глубине черных омутов. Нежные алые губы имели безукоризненную форму и соблазнительный изгиб, их выразительный рисунок нисколько не изменился. Немного помедлив, я сбросила с себя простыню. Волосы золотым водопадом заструились вдоль спины, изящная линия которой до сих пор была безупречна. Я похудела, тонкую талию можно было обхватить двумя пальцами, и бедра у меня стали чуть уже, но эта необыкновенная стройность ничуть не портила меня, наоборот, придавала фигуре изящество и грациозность. Я провела рукой по бедрам, коленям, щиколоткам, оценивая и проверяя. Кожа оставалась упругой, свежей и бархатистой. Я прикоснулась пальцами к груди, к соскам, убеждаясь, что они сохраняют прежнюю безупречную форму. В довершение всего я могла полюбоваться своими руками – мягкой линией локтя, покатыми плечами, изящными запястьями.

Я прикрылась простыней, собрала распущенные волосы, чувствуя в душе глубокое удовлетворение. Я молода и очень красива. Пожалуй, то, что я увидела, превзошло все мои ожидания, а ведь я старалась оценивать себя очень придирчиво. Вся беда в том, что у меня нет приличной одежды, нет косметики, которой можно подчеркнуть природную красоту, сделать ее более яркой. А если бы я могла это сделать, я, вероятно, выглядела бы столь же ослепительно, как во время своего первого бала в Версале.

Этой ночью я долго не могла уснуть. Мне почему-то все время вспоминалось прошлое: Версаль, Мария Антуанетта, балы и празднества... Я перебирала в памяти свои встречи с графом д'Артуа, от первой, в поместье Бель-Этуаль, до последней в Джардино Реале, в Турине. Улыбка трогала мои губы. Мне казалось, что с тех пор я не жила по-настоящему. Разве это жизнь? В моей нынешней судьбе нет никаких чувств, кроме страха.

Я думала об отце. Каким безупречным аристократом он был... Я никогда не ценила его по достоинству. Его величие стало для меня ясным лишь в тот прощальный вечер, в библиотеке Шато-Гонтье. Мне было больно. Любовь пришла ко мне слишком поздно. Ее сразу же заслонила боль. Отца больше нет... Я до сих пор содрогалась от горя.

А Рене Клавьер? К нему я чувствовала и гнев, и любовь одновременно. Как бы я хотела с ним встретиться. Увидеть его хотя бы еще раз, услышать его голос... Ощутить его прикосновения. Пожалуй, на данный момент это было высшее счастье, о котором я могла мечтать. Счастье небольшое, но несбыточное. Я даже не знаю, что случилось с Рене. Жив ли он.

Спать в чужом доме было странно и необычно. Но, погружаясь в мысли и воспоминания, я уже не вздрагивала от малейшего шума. Мало-помалу меня сморил сон. Я задремала, и во сне мне постоянно мерещился ужасный огромный Белланже, похожий на циклопа, размахивающего руками в поисках Одиссея.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.